

Доминика Арсе

Хозяйка Земли

цикл романов о попаданке в другие миры

Доминика Арсе Хозяева Земли

Серия «Хозяева Земли», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42189676
Хозяева Земли / Доминика Арсе: Авторское; 2019*

Аннотация

Она – рядовая студентка из пригорода, под маской веселой и неунывающей толстушки – наивная и ранимая девушка. Он – пришелец из космоса, красотой способный покорить сердце любой землянки.

Они встречаются, когда, казалось бы, рушится её жизнь, и вот – вот будет сделан шаг в пропасть. В момент нелегкого выбора она проявляет храбрость и попадает в Его мир, где ей уготованы нечеловеческие испытания. Но знают ли жители сказочных земель, на что способна находчивая студентка из Подмосковья, каждое утро пробивающаяся с боями в электричку? Ведают ли кто в «доме» хозяин?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	34
Глава 3	62
Глава 4	99
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Доминика Арсе Хозяева Земли

Пролог

Мое имя Валерия. Так случилось, что я попала в другой мир. Он прекрасен, потому что в нем велико и красочно все лучшее, тогда как худшее – ничтожно мало. Хотела бы лично спросить кое – кого, почему именно люди и им подобные являются худшим проявлением природы по мнению создателей иного мира...

Я скучаю по любимому и помню.

*Красота – пыльца
Сложно создать
Легко испортить
Но красота
Всего лишь пыльца
А Душа – крылья
Летать можно
И без пыльцы.*

Эрей Авель

Прежде чем говорить о другом мире, хотела бы рассказать, с чего все началось. Заодно поведать немного о своей

обыденной жизни, как закалялась в боях, и что из этого всего вышло.

Глава 1

Гиганты с небес

Московская область. За месяц до путешествия.

Я – корова. Смотрю на себя в зеркало и думаю... Нет, ну та ещё корова, невозмутимо жующая траву на поляне, несмотря на приземление НЛО.

Быть может странно, но полнота меня волнует больше, чем нагрывавшиеся прямо на головы москвичам инопланетяне!

Однако, спокойствие! Нас никто не собирается захватывать. Ну... будем на это надеяться.

– Мааа?! – Кричу из своей комнаты протяжно.

– Да, доченька? – Раздалось из гостиной.

– Завтра я с ночевкой к Светке, – говорю, затаив дыхание.

– К отцу с такими вопросами, – обрубает мама.

– Он завтра дежурит, все равно не узнает.

– К отцу.

– Я вымою всю квартиру, – заявляю, скрипя зубами. На какие только жертвы не идешь ради свободы!

– Телефон мне Светиной мамы и адрес, – сдается мама.

Ага, адрес. Скажи ей про коттедж, придется драить квартиру весь год, ибо мама поймет, что продешевила.

– Давай Светин номер дам?

– Нет уж, матери ее...

Фыркаю себе под нос. Не выкрутиться.

Вечером со службы возвращается отец. Как всегда, взмыленный, потому что китель шерстяной даже летом носит. Бегу обниматься, ритуал с детства неискореним.

– Ты моя пуговка, – целует меня в лоб.

Я вся в него, толстая и в меру некрасивая.

Младшая сестра сидит в гостиной с ноутбуком. Ей плевать на все, что вне браузера. Она и внешне не в папу. А в нашу худенькую, стройную блондинку маму. А я – толстяк, отцовские гены восторжествовали. Не слишком уж, но мы к этому стремимся.

– Поросеночек ты мой, – продолжает папа без зазрения совести. Убила б, когда при соседях на улице так.

Любит он меня больше младшей. А той и не надо. Колючая сестренка у меня. Не любит телячьих нежностей. Сучку из себя даже дома строит.

Садимся за стол. Втроем. Без Алины, та в своем ноутбуке переписывается с красивыми мальчишками. В блогах обитает. Задница выпяченная и губки «пю» – это каждая вторая фотка у нее в соцсети. А еще эта засранка любит фотографироваться со мной! Дабы подчеркнуть контраст.

Я не урод, и не унылое, так сказать. Но у меня на лице шрамик есть некрасивый, у левого глаза. Не будем об этом. Вполне счастлива, есть даже парень, непутевый, но хороший, для поцелуев сойдет. В кино иногда ходим, по паркам гуляем

и на лавочках сидим. Нравятся мне другие... Что есть, то есть. Главное, чувствую себя настоящей девушкой, когда он рядом. А не поросенком и пуговкой.

А папулю люблю, он же с добротой и искренностью выдает мне правду жизни.

– Эклеры купил?! – Спрашиваю и вижу, что нет.

Пакетика бумажного с красным цветочком не наблюдает-ся. А так хотелось на язычок прохладненького крема и хру-стящей корочки.

– Ой, Лерочка не до того было, прости, прости.

– Торт есть, – с неким укором произносит мама.

– Половина уже съедена Леркой! – Кричит пакость по имени Алина. Ей когда надо, она все слышит.

– Я выложу фотки с пляжа, – гнусавлю в ответ.

– Только попробуй! – Визжит сестра. Она была там некра-шенная. Я бы давно это сделала. Вот только и у Алинки есть на меня компромат в виде случайных кадров, как ем свои любимые эклеры, что папа не привез сегодня!!

Семейный ужин. Смотрим с мамой на папу, да что так скромно? В рот ему заглядываем!

– Ну что там?! – Не выдерживает мама.

Отец в штабе военной части работает. Целый подполков-ник! Все знает, самую свежую и правдивую информацию. Это пусть Алинка из соцсетей свой блондинистый мозг заби-вает. Там чуши много: «инопланетяне уже захватили Моск-ву», или: «Моего парня похитили», а вот хлеще: «У меня

соседку бабу Нюру сожрали». Да кто ж ее, горькую, кислую есть станет?!

– А что сказать, девочки мои? – С набитым ртом говорит папочка. – Ходят себе по улицам, никого не трогают. В контакт с властями не вступают. Кордоны полицейские в Москве походили, походили, да толку никакого. Стоит напор показать или силу, шар сразу возникает и уносит их к небу. Мирные попались инопланетяне. Им на людей поглазеть, себя показать...

– Ой, дожили. А что они говорят? – Ахает мама.

– Молчат, улыбаются, – пожимает плечами отец.

Немного об инопланетянах. Раз уж речь зашла, несмотря на то, что меня больше волнует неубранная квартира. Отец поначалу много рассказывал. А теперь совсем скуп.

Помню день их прибытия. Мы ж живем в городке маленьком. До Москвы километров тридцать. Но даже на таком расстоянии все ощутили.

– Шар прямо с неба большой спустился! – Рассказывал отец, давясь борщом. – И завис над городом. Наши РВСН-щики чуть богу душу не отдали! Дежурных на «зонтиках» столько поседело!

Средства массовой информации тогда просто разорвало. Репортеры захлеб тараторили о случившемся. Передавали общественности съемки этого шарика, размером с площадь. Он и завис – то, где самолеты летают. Помню лысого «филина», в смысле – ученого в очках, что картаво распинался

перед репортерами, рассказывая высоту и природу явления. Мол, это феномен природы, Николу Теслу приплел. Высота десять тысяч метров тогда была озвучена. На ней и висел шарик прямо над Москвой. Посылали туда какие – то беспилотники, а оно, как об стенку горох. Поле энергетическое – некоторых потом осенило.

А на дворе лето, и так небо яркое. А тут еще два светила: Солнце и это, синевато – голубоватое. Потом раздвоился шар как – то непонятно, стало два шарика: синий и зеленый.

Инопланетяне себя ждать не заставили. Вышли в массы дней через пять, будто туристы приехали. Белым днем! Ох, а какие они?! Да обычные люди на вид, вот только в полтора раза крупнее, если не в два. Я по школе математичка еще та, скажу языком математики: коэффициент один семьдесят пять. Во! Все на него умножить надо: голову, руки, ноги, тело. И выйдет целый трехметровый человечек.

Странность одна есть. Их нельзя сфотографировать. Любой, кто это делает, получает разочарование. На снимках вместо них пустое место! Будто прозрачные они. Но визуально – то нет. Существа видимые. Ах, и говорят, такие красавчики! Да одеты, будто каждый индивид великий князь сия Руси: кафтаны расписные, узоры шитые. Сами златовласые. Это все из соцсетей описания. Только текст! Фотографий нет!

Если б не показывали шары летающие, не поверила б вообще. Но первый канал переубедил, там врать не станут.

Сижу за компьютером, в соцсети на страничке моей мышшь повесилась. Я никого не интересую. Даже собственного парня. А Кирюша, гаденыш такой, онлайн! И до сих пор мое сообщение не прочитал.

С щемящим сердцем скольжу по странице парня моей мечты. Нет, не Кирилла. А Станислава Егорова.

В животе вспорхнуло, как вспомню его глубокий, сильный взгляд.

Эх, выдыхаю дрожащими губками... Стас... Так, новые фото: девочка старая, друзья с ним веселятся, за городом они. На карьер, значит, ездил... Как же хочется лайк поставить и комментарий написать, какой он все – таки классный. Обожаю его, веселого, умного, глазки голубые – голубые, как небо ясное, бровки красивые такие, прямые, как у песика. А фигура, ой – ей – ей. Он же спортом занимается, бегает, боксом еще, наверное... в перчатках его видела. А фотографии с похода, где он в экипировке горной, вообще сводят меня с ума. Он – парень с обложки журнала. И такой добрый, никогда не говорил обо мне плохо. У нас городок – большая деревня. Все друг друга знаем. Виделись, пересекались. Так вот он – мой идеал. С эклерами на одном уровне практически по соблазну моей пышной души.

Помечтали и хватит. У меня Кирилл есть, он парень достойный. Худенький правда, щупленький, ростом не высок, но руки у него сильные, колеса катает и ключами разного калибра машет. А глаза карие с отблеском голубого, краси-

вые такие, смотрятся диковато немного. Сам темненький. Его иногда кавказцы за своего принимают.

Брякнуло оповещение. От Светы пришла весточка.

– Полюбому подруга, – роняет насмешливо Алинка со своей кровати. Развалилась с ноутбуком и подкалывает, мол вряд ли парень написал.

Молчу. Читаю:

«Родители сваливают. Это сто процентов уже. Бери своего парня. Будет весело, нашла погреб».

– О! Ну дела, – из – за плеча раздается. Алинка подлезла незаметно и тоже прочитала, вот мелкая дрянь!

– Вякнешь родителям, я тебя сдам, – рычу на нее, повернувшись. Стоит в одной майке коза моя младшая. Специально ляжки выставила, чтобы завидовала ей.

– Что со своим целовалась? – Отмахнулась Алина. – Мама в курсе. Это не возбраняется, особенно с таким красавчиком.

– А то, что он тебя лапал?

– За задницу – то, – прыснула Алина. – Так за такую грех не полапать. Завидууй молча.

Хочется гадость сказать. Но знаю, чем закончится – дракой... В одной комнате живем. Деваться все равно некуда. Воевали мы как – то, я ей ноут испортила, она мне комп. В итоге досталось обоим. Расходы – то родителям нести.

Я, как студентка четвертого на дневном обучении, еще ничего не зарабатываю, стипендия проматывается за первых

два дня. Обычно долги раздаю. А Алинка еще в школе учится, ей всего – то четырнадцать. А за задницу уже лапают! Знаю я этого лапающего шпенделя, на первом курсе учится, вечно пары прогуливает.

Пишу Светке, улавливая каждый шорох за спиной, дабы малолетний нос не клюнул в монитор:

«А сколько будет народа?»

«Все», – приходит ответ. Вдыхаю холодеющей грудью, прям волнительно так. Последний раз пила в коллективе на выпускном, и то, чуть – чуть, под строгим контролем отца, нависшего сверху. Что ж за повод?!

Хотела написать Кириллу своему. Но в пору и обидеться. Молчит, ни слова. А я вроде как девушка. Первой сигналить неприлично. Лайк поставлю какой –нибудь нейтральный на его стенке. Впрочем, нет.

Написала зараза блудная уже ближе к ночи, когда я собиралась выходить из сетевого мира.

«Завтра вечером у Светы Костенко», – настрочила Кириллу в ответ.

«Ок».

«Доброй ночи»

«Доброй...»

Вот и поговорили. Я может и дура. Но холод его чувствую. Хочется верить, что просто устал мой хороший. Знаю, что в сервисе работает пока каникулы. За это уважаю. А вот шпендель Алинкин тот еще мажор! Он ей браслет серебряный по-

дарил. Она его прятала от родителей, пока тот не почернел, теперь носит, выдавая за бижутерию.

Просыпаюсь утром. Алинка дрыхнет, и будет до обеда спать. Она с ноутбуком обычно часов до трех. Раньше ругались по этому поводу, засыпать при свете неудобно. А еще от пыли в кулере он у нее гудит, скорее бы сгорел. Ага... Чтобы мама купила доченьке новый.

С утра меня будит кошка. Она приходит именно ко мне. Знает, что я добрая и ласковая, а может, пытается сказать: прекрати жрать эклеры! Мяу!! Багира и сама не прочь слупить крем из кондитерского изделия, сколько ни давай, поглощает все. Она у нас сластена.

Прижимаю этот мягкий урчащий комок. Мы две сони. Хочется упасть и заснуть на второй круг. Но я обещала прибраться в квартире! А это надо сделать часов до шестнадцати. А потом начать приводить себя в полный порядок, гладиться, краситься, волосы, кстати, не мешало бы помыть.

Сегодня особенная ночь. У Светы трехэтажный дом! И бассейн есть, но его наличие меня не особо радует. Как не крути, тела своего стесняюсь. И если... если у нас с Кириллом сегодня будет. То это будет в крошечной тьме и наощупь.

Уходя на дежурство, отец посмотрел на меня с подозрением, ибо зарядила пылесос. Но ничего не сказал.

Маме дала номер Светы, та проверять не стала. Главное вырваться, и будь, что будет. Должен же быть отрыв за эти ка-

никулы, хоть какой-нибудь?! Через неделю начинается учебный год. Четвертый курс института. Снова видеть эти лица, мало кого из людей люблю. Их подлые душонки читаю и знаю, кто на что падкий. Я, конечно, общительная и весела толстушка. Добрая, всем так и говорю: хорошего человека должно быть много. Но самой на душе кошки скребут.

Они не искренни и я. Обижали меня в детстве много. Закрылась от всех. Переболело, теперь проще ко всему относиться.

После полудня пришел Макс, он же шпендель Алинин.

– Стой в коридоре, – рычу, обливаясь потом и выжимая тряпку. – Только помыла.

– Ни че так смотришься, – смеется Макс.

Вода с тряпки бежит грузно...

Опомнилась! Я ж без лифа! Одна только майка. Смущение приходит мгновенно. Парень Алинки тоже хорош, знает себе цену. Мажорчик.

Подмигивает зараза. Первокурсник, а ведет себя, как выпускник института!

Алина в короткой юбке, что белые трусы мелькают, помчалась с ним гулять. Через открытое окно слышу, как на улице зарычал мопед. На озеро собрались, не иначе. Ну, ничего, и я оторвусь. Долго держалась в целомудрии. Хватит быть паинькой.

Погреб, погреб, что ж там, Светка откапала?! Алинка свадила, мне это и нужно. Косметика у нее хорошая...

Вечер. Косметических дел я не мастер. Но у меня есть два учителя: Алинка и блогер, просто блогер. Видеоблоги учат минут за десять тому, что сам познаешь годами.

Прихорошилась я аккуратно. Не увлекалась этим делом, а то мама может заподозрить неладное. Хоть я девочка и большая, но у нас в семье принято так: пока ты живешь с родителями, отвечают за тебя родители. Вернее, пока замуж не вышла. А как тут выйдешь, если разведки боем нету?! Так папа мой любит выражаться. Я и сама вся военизированная, даже стрелять папа учил. Сколько гоняла на полигон и стрельбище. Да и мотались по гарнизонам немало, переезжая с папочкой к новым местам службы. Это Алинка мелкая была, мало что помнит, а я вот уже намучилась. Пять школ, и везде становление в коллективе болезненное.

Дети... они злые. И взрослые тоже злые, только меньше плетут и выливают наружу. Думают, прежде чем вякнуть.

Больнее всего было, когда поняла, что изгой я в некотором роде. Сколько раз от меня подруги сторонились. Что ни тусовка, сразу фразы в воздухе витают «Лерку только не берите» или: «Сала нам не надо». Но я не толстая! А в меру... И вообще, фигура у меня сексапильная, так шпендель сказал как – то, за что выхватил по наглой морде. Била не сильно, так, обозначила.

Если проанализировать его фразочки в мою сторону, выходит некое подобие флирта. Но мне ли не знать, что мужчины те еще спортсмены по жизни. У них соревновательный процесс во всем. Особенно важно покорять вершины и брать, что не дается. И вот я думаю, была бы к нему доброй, не подкатывал бы так. Или все из – за сестры?

Дождалась начала маминого сериала. Теперь ее с гостинкой не выпрешь.

– Ма, я пошла! – Кричу с коридора и звякаю ключами.

– А дай – ка я на тебя посмотрю, голубушка!

Такой облом, а.

– Я пуговка! – Возмущаюсь и шмыгаю за дверь, остается только голова. Нечего ей видеть, в чем я одета. А пуговка я потому, что глаза у меня пуговки черные, а не голубые, как у мамы или сестры.

Мама выглянула, подозрением таким окатила.

– А ну – ка предстань передо мной, как лист перед травой.

Вышла к «лесу задом».

– О! Вырядилась. На вечеринку?

– Угу, – мнусь, стою. А что тут скажешь?

Мама подошла к комоду и купюру вытащила, мне протянула.

– В аптеку сходишь, а завтра чек представишь, поняла?

– В смысле?!

– В том самом, что если залетишь, будешь рожать, поняла?!

Щеки мои загорелись синим пламенем. Купюру выхватила, дверью хлопнула. По лесенке бегу и неловко перед матерью. Хоть домой возвращайся и демонстративно никуда не ходи. Она ж не глупая, откуда дети берутся, знает, меня с Алинкой рожала не от святого духа.

Вышла на улицу, сразу легче стало. Будто из сырой ямы выбралась на просторы. Вечер прохладный сегодня. Сентябрь на носу. Запахи цветов с клумб по рецепторам ударили. Сладкие такие. Под навесом зеленым на лавочке Алина с Максимом целуются. Совсем обнаглели. М – да... Быстро они вернулись.

– Эй! За совращение бабушек и рождение новых сплетен двора, будете оштрафованы! – Кричу радостно.

– Лера! Куда вырядилась на ночь глядя? – Алина даже из – под навеса вынырнула на меня посмотреть. – Так! Ты мою тушь брала? А? Признавайся?

– Ой, да не злись, – отмахиваюсь, как от мухи. – Как я? Норм?

– Уау, – мяукает шпендель. В животе отзывается и ахает, я ж красивая сегодня, старалась!

– Новую купишь, как раз на стипендию выйдет, – рычит сестра.

Из – за тоненькой спины две лапы высовываются и за животик ее прихватывают, Макс выныривает из водопада светлых волос, будто это его парик. Алина таит, как мороженое, поворачивается к нему, выгибаясь как кошка.

Целуются. Вот бесстыжие!

– Я тебе новую куплю, – мурлычит Макс, едва касаясь носом ее носика. – Три...

– Мммм...

Уношу ноги. Засмущали!

До дома Светы пешком минут двадцать. Деревня ж, хоть и большая. А у них коттеджная зона, охраняемая. Гостила у нее не раз.

Спешу в красивом салатовом платье с некрасивым пакетом. Полотенце, щетка, тапки... Будто в баню собралась. Какая аптека, мама! Нет времени! Уже опаздываю.

Городок наш словно вымер. Как инопланетяне в Москву прилетели, так и улочки опустели. Все рвутся в столицу на них поглазеть.

Еще на подходе услышала музыку. Доносилась она из особняка подруги. Неужели и вправду вечеринка. Меня как кнутом огрело. Не люблю я такое, ну не мое это. Думала, посылки на чердаке устроим. А Света в понятие «все» вложила ВСЕ!

Хоть обратно иди, пока не поздно. Судя по раскатистому смеху и девичьему визгу, народа немало. Подхожу к калитке глухой. Забор у Костенко высокий, кованый, зеленью весь обвит. Богатенькие они, садовника как – то видела, бедный стриг, стриг, да бес толку.

Открывает Светкин брат! Высокий такой, смуглый, лицо, как у голливудского актера. И... Обнимает меня с бутылкой

пива в руке! Ой, будто печка прислонилась. Горячий, потный. Но приятно все равно.

– Холодненькая, – нежится, рука с талии вниз ползет бесстыже. Отталкиваю.

– Ты ж в училище был, выгнали? – Интересуюсь деловито.

– Отпуск, – смеется. – Побудешь моей девушкой сегодня? Лучшие покои лорда тебе обеспечены!

Иду вперед, оставляя пьяного позади. Мелет, не думая. Он парень скромный, был... года два назад, до поступления в военку. Испортился.

Прямо крыльцо, слева беседка, справа клумба декоративная: цветы будто радуга вокруг натыканы, еще и подсветка откуда – то снизу идет. Красота! А во дворе перед домом балаган. Все пьют, обсуждают свежие приколы, пришельцев и учителей. За домом сад, грядки укропа и кусты малины. Страшно подумать, что творится там!

– Лерка! – Окликнули с беседки.

Это была Света. Всегда жизнерадостная и вечно улыбающаяся брюнеточка. Моя лучшая подруга и безотказная жилетка.

– Света! – Отзываюсь и спешу к ней, уходя от объятий ее брата, что практически настиг сзади.

– Гоша! – Строгий голос подруги так непривычен. Как у ее мамы становится. – Выпил, веди себя достойно, будущий офицер!

– Да, мамочка, – блеет братец и продолжает преследова-

ние. – Позвольте пригласить вас на танец!

Прытко ухожу от контакта и врываюсь в толпу подружек Светы, они меня защитят. Многих присутствующих девочек знаю.

Пока успешно отбиваемся от Гоши, думаю о своем Кирилле. Накидается же...

Пишу ему: *«ты где?»*

«На заднем дворе, смородина еще осталась, подходи»

«Мы в беседке»

«Света сказала, у вас девичник».

О как! Смотрю на Свету. Она уже развернула ноутбук и пялится туда вместе с девочками.

– Скоро пиццу привезут, – роняет Света.

– Специально для Леры, – брякает какая – то пакость. Обхожу, протискиваясь. Интересно, на что они там смотрят.

– Не мельтеши, – роняет нетерпеливо моя подруга. – Тише все. Тс!

– Давай включай уже!

Обычный ролик с интернета про инопланетян. То есть о том, как ходит пустота и ей все восхищаются, как дебилы. Потому как снять их невозможно, не отображаются в кадре на записи.

– В дом не пускай! – Взревела вдруг Света, подняв голову. – Эй! Гоша, убери свое быдло с крыльца! В дом – нет! Запретная зона.

– В туалет просто! – Оправдывается.

– Нет, сказала! Твое быдло всю посуду побьет, ковры за-
блует и занавески обоссyt! А ну брысь!

– Ты кого быдлом назвала? – Возмутился какой – то па-
рень.

– Не гони на сестру, – рычит Гоша. – Быдло, – добавляет
с насмешкой и трепет худого парнишку за шевелюру.

Все, вопрос исчерпан. Хозяйка в доме она, в отсутствие
родителей. А всего – то на полтора года старше его!

– Девочки, внимание! – С некой интригой произнесла
Света. – Вот!

Картинка такова: тротуар, зеленый газончик на первой
стадии уничтожения где – то за спиной, дома монолит – кир-
пич, виднеется красная вывеска магазина обуви. Стоит де-
вочка нашего возраста, улыбается, глазки блестят. Вокруг
люди стоят, замерли, будто президент речь толкает. И тут
вдруг появляется ОН!!

Ахает в моей груди! Перехватывает от нескончаемых волн
эмоций. Да что там волн?! Шторма! Цунами!! Апокалипси-
са!! А как иначе!? Пришелец стоит самый настоящий! За ру-
ку девчонку держит! Огромный такой! Она ему до пояса ед-
ва макушкой достает!

– Какой здоровенный, мамочки...

– Как статуя мраморная, ох...

– Такой и раздавить может...

– Ой, он двигается!

Из девочек вырывалось все подряд, а я и слова связать не

могла. Впервые ведь увидела! Восторг, это не то слово! Торжество ума и трепет сердца! Голова сейчас кругом пойдет!

А оно... Он: огромный человек в кафтане до пят. На одежде узоры зеленые переплетаются органично с золотым орнаментом. Прямо чудо дизайнерского мастерства. Стоит такой, не то дед мороз, не то хан заморский. Лицо белое, огромное, будто из гранита высечено! Идеальное! Невероятно красивое. Глаза проникновенные, сказочные, словно салютом сверкают. Мир фэнтези в них отражается с праздником красок. Нереальность такая, что визжать хочется! Улыбается в камеру, затем на девочку смотрит. Она на него. Вижу, как коленки у счастливицы дрожат, вот – вот описается от счастья и напряжения. Я и сама стою, поджилки трясутся. Он руку ее отпускает. И... исчезает. Был, и нет, как свет выключили.

На его месте шар зеленый вырос, будто обычный надули. И ощущение от толпы нам зрителям передалось тоскливое. Ушел пришелец. Показался нам всем и исчез.

Камера на девочку идет. Вокруг вздохи, аханья.

– Охренеть! – Визжит ее подруга за кадром. Толпа галдит, девушку с расспросами терроризирует. Трансляция резко обрывается.

Несколько минут в беседке царит молчание. Даже на пьяные нападки не реагирует никто. А музыка вечеринки вообще, словно птичьи песни все. Ну, у меня так.

– Это что было? – Бросила одна из подружек, нарушая

медитацию окружения.

– Оно самое, – произнесла Света и продрала горло. – Миллион двести тысяч просмотров за вечер. Норм?

– А как она сумела? Что в комментариях пишут? – Схватились другая.

– Не сознается, – бросила Света угрюмо. – Я ей писала и денег предлагала, лишь бы сказала, как она это сделала.

– Они ж не даются, камеры их не схватывают...

– Вот и я о том же!

– Поехали в Москву! – Произнесла воодушевленно другая. – Я хочу увидеть их. Такое раз в жизни бывает. На нашем – то веку.

– В Москве знаете, что творится? – Прогнусавила Света.

– Не пройти, не проехать, – брякнула я, сразу грусть накатила. Хочу живую такое чудо увидеть. Мы ж рядом живем! Надо ехать! Или пешком. Да хоть в паломничество до столицы отправиться! На велосипедах рвануть!

Облокотилась о деревянную перегородку. Ноги подкашиваются, перенервничала. Девчонки тоже ошалелыми глазами друг на друга смотрят. Света, похоже, уже не первый раз смотрит.

– Запусти еще, а?

– Свет, давай.

Раз десять смотрели, на паузу ставили, перематывали назад. Эффект хоть и притупляется постепенно, но волнение остается. А желание увидеть своими глазами невероятно

растет.

Страшно себе признаться, но некие теплые чувства к этому гиганту зародились.

Привезли пиццу. Коробок двадцать.

Куда столько Свете?! Но она оказалась молодец, жор напал на всех.

– Так! Девочки! – Взвинтилась вдруг Света. Она иногда страдала неожиданными идеями. – Завтра утром на электричку до Москвы. А сейчас все в дом! Только быстро! Пока пьянь не прорвалась!

Визжа и хохоча, мы ринулись в дом.

– Зомби атакуют! – Закричала последняя, едва успев закрыть дверь.

Ребята стали ломиться в дом во главе с Гошей. Мужская сила и наглость победили, и они прорвались. Теперь уже Света не так сильно возмущалась. Голову явно затмила идея о завтрашнем походе в столицу. Мы увидим пришельца!

Собрались на чердаке. Прорывались туда, уходя от погони Гошиных «приспешников». Одного я спустила с лестницы, нечаянно, масса у меня позволяет. А скорость, чтобы убежать нет. Вот и пришлось спасаться от лап, причем грязных. Они там, на заднем дворе грядки пололи, землю пахали?!

– Короче! – Усаживаясь, начала одна из подружек. – Приложение есть такое на телефоне, оно отслеживает появление пришельцев. Вот.

Мы к ней подсели, облепили как пчелки мед, или мухи...

мед. Коврик большой, ворс мягкий, приятный. Сидим, глазею. Карту на дисплее пальчиком с красным ногтем листаю и ни одной точки не видно.

Спохватываюсь. У меня ногти не покрашены!

– Облом, – бросает Света.

– Ночью они не появляются, – говорит подруга виновато.

Выдохнули разочарованно, расселись по углам, одна особо шустрая в кресло – качалку прыгнула.

– Днем пришельцы поодиночке ходят, – говорит другой «эксперт». – Я читала в блогах, они не гуляют по несколько. Увидеть можно только одного. Если на ВДНХ появится, то один. На Поклонной горе тоже один будет. И все кстати мужчины. Ни одной женщины никто не видел. Об этом тоже коммы пишут.

– А может он один всего? То там, то тут маячит, – предложила свою версию я.

– Разные они. Это точно.

– Я слышала, пришельцы перчатки носят, – выдохнула еще одна сплетница. Мы уже им в рот смотрим, те, кто не в курсе дел вообще. – Летом в жару, да еще и в шубе с перчатками.

– Нас брезгуют?

– Нет, улыбаются же...

– Мало ли что они улыбаются, может, скалятся, – приснула Света.

Чувствую, что у нас всех коллективный отходняк начался.

Если сразу после просмотра ничего плохого о них говорить не хотелось. То теперь с радостью готовы косточки промыть. Если они у них есть вообще.

Началось активное обсуждение.

– Да у него рот, такой, что голова твоя поместится!

– И твоя!

– И задница, – бросила еще одна подруга. – Только Лерке повезло. Ее не поместится.

Все рассмеялись. А я улыбнулась. На душе гаденько.

Снизу в люк постучались.

– Девки! Пиво! – Раздалось глухо. Какая забота со стороны Гоши.

«Зомбаков» решили пропустить. За пиво – то. Мальчишки стали обаятельно милы, но разило от них, как от беспробудных алкашей. Я кривилась, как могла, но худощавый Гошин друг не давал мне прохода. Представился Арсеном и лез целоваться.

И где же мой Кирилл ходит? Не хотелось создавать конфликтную ситуацию. Если я позову его сюда, он возмутится на ребят Гоши. А их много. И, похоже, все курсанты. Такие друг за друга горой.

Пока пили, решили с девочками, что на утренней, самой первой электричке до Москвы рванем. Завтра Суббота. Люди в выходной спят до обеда, проскочим.

Будем ловить пришельца и выяснять, как его на видео камеру сняли!

Стали расползаться по дому. Три этажа, много сувениров вокруг, привезенных из разных уголков мира. Света повела на экскурсию. Прекрасная возможность поискать Кирилла и, наверно, пойти домой. Но ко мне привязался худощавый Арсен, что едва держался на ногах, прилип, как банный лист.

Омерзело его полусознательное состояние. Ненавижу пьяных. Горькое пиво сама хлебнула лишь для того, чтобы пиццу запить. Ибо чаю или сока хозяева не предлагали. Домой захотелось. Но из головы все не выходил образ неопишимо красивого инопланетянина. Люди, как люди, только большие и молчаливые. Ведущие себя немного странно.

А может это какой – нибудь масштабный флешмоб? Или розыгрыш?! Вот и проверим!

В доме бардак. Арсен отстал, не смог угнаться, споткнулся где – то, да затоптали, надеюсь не насмерть.

Что – то где – то разбилось. Пишу уже десятое сообщение Кириллу. Молчит. Пошла на улицу.

– Толстуха, сторонись! – Крикнул кто – то, толкая в проходе. Не обернулась, выскочила на крыльцо.

– Ты мою пышечку не тронь, – проямлил Арсен, догоняя.

На лесенке ящик пива наполовину растасканный. Банки уже валяются и на газоне с коробками от пиццы. Кто это все убирать будет?! Влетит Светке, однозначно.

– Е...а...у...о... – изрыгнул Арсен, на шее голова уже не держится у бедняги. Боже, какая мерзость.

Домой в ночь идти? Лес темный, маньяки про инопланетян не знают. Им интереснее тут циркулировать. Сколько ужастиков пересмотрела, стоит за забор и буду первой жертвой.

Через неделю в институт. А я сегодня квартиру драила, и ради чего?! Беру банку пива. По лестнице на заднице съезжает Арсен с характерным:

– А! – А! – А! – и бьется копчик о ступеньки.

Пытается уцепить меня за ногу. Я его спасение. Хочется поддать и придать дополнительное ускорение, спешу в беседку. Там парочка целуется. О! Узнаю Гошу. И знакомую мою еще одну – Кристинку, тоже в коттеджном поселке живет. Сомнительная она мне подруга. Но они почти все у меня такие.

А курсант – то не промах, выбрал хорошенькую и легко идущую на контакт, компанейскую девушку. Фигура у нее как у «черлидерши». Слышала, она уже не одного парня сменила.

В беседке относительно безопасно. Но подсвечивает добротный плафон, мошकारа вьется у него, бесится, видимо, от паров этих и музыки.

Холодно. Но в дом назад не хочу, пока «зомбаки» не улягутся.

С шипящим звуком вскрываю банку. Фонтан из нее льется мне на платье. Да что ж такое?! Руку подальше отвела. Вскоре напор утих. Пригубила.

Теплое и горькое. Где обещанный погреб? Я на языке лучше бы вино почувствовала. Чем это.

– Лерка! – Кричит до боли и досады знакомый голос. Вот только чересчур не скромный. Кирилл мой так никогда не повышал голос. М – да... нажрался в самые помидоры.

Идет ко мне, шатается кареглазый мой «зомбачок». Перебарываю отвращение. Обнимает, слишком нагло. Терплю, все – таки он – мой парень. Гоша, нахальная морда, посматривает, посмеивается. Увидел, что смотрю на него и начал яростно целовать нашу местную потаскуху. Та и рада. Лапы его под майкой давно поселились. А у меня от всего этого вида мурашки зарезвились по спине.

Кисло – соленые губы парня впиваются в мои довольно грубо, язык твердый пытается пролезть сквозь стиснутые зубы. Мне противно, не хочу его поцелуев и токсичных слюней тем более. Кирилл быстро сдается. Смотрит на меня пьяными глазами. Обиду изображает.

– Я тебе не нравлюсь? – Блеет.

– Нравишься, но...

– Но что?! Мало я с тобой э... пробыл? Недостаточно? Еще погуляем за ручку?

– Ты что мелешь?

– А ничего! Я мужик, ты поняла? – Взвинтился он.

– Правильно говорит, – подает голос Кристина. – Сколько уже можно не давать?

Пьяная, как и эти. Встаю с лавочки. Домой бы. Но темно

и страшно. А провожать никто не станет, из живых никого не осталось. А «зомбаки», им только жраааать.

Обида вдруг взяла. Душит что – то изнутри. Он меня ни-сколечко не ценит. Думает раз полная, значит, доступная. А я действительно решила, что нравлюсь ему.

Дура глупая, сама наивность.

– Она себя в зеркало – то видела? Вырядилась, что смешно, – едва слышно прыскает Гошина подружка. И все это за спиной.

Раздается гадкий смешок Гоши.

Фраза резанула по ушам, а послевкусие, как кнутом огре-ло и жечь продолжает. Останавливаюсь, но не оборачиваюсь. Жду... А чего жду – то?!

Скажи ей, Кирилл. Хоть слово. Защити...

Молчит.

Зашагала дальше. Слезы наворачиваются. К воротам иду, дойду домой, на ощупь, но сама. И чтобы эти не видели, как плохо мне.

Я всегда веселая толстушка, улыбаюсь и шучу. Жизнь прекрасна, поцелуи горьки.

– Лера! – Опомнися идиот.

Не смотрю даже на него. В руке банка пива. Некрасиво ставить на Светкин газон. Сорить не хочу в доме подруги.

Раздается разъяренный стук в калитку.

– Полиция! Откройте!

Вдобавок, еще сигнал протрещал из машины, которым

обычно патрули с мигалками дороге требуют.

И похоже, не первый раз стучат. Стою, как дура у калитки, в руках банка пива. Глаза мокрые. Тушь сестры вот – вот потечет. В сторону отошла. Из дома уже Света несется.

– Эй на балконе! Музыку выруби! – Визжит.

Команду быстро выполнили, и тишина. Только пьяный шепот и смешки. Калитку открыла. Никто не ворвался, никого не положили на газон. Хотя... смысл? Там уже и так все валяются. Бедная декоративная клумба. От нее десяток букетов отщипнули.

Калитка захлопнулась. Света с торжествующей улыбкой повернулась к гостям. Морды высунулись из окон, балкона и даже со двора.

– Ни звука, поняли все?

– А ты сама не ори, – проблеял какой – то парень.

Напряжение спало. Хозяйка дома все уладила деньгами.

Света посмотрела на меня. А я на нее.

– Ты чего? Кто обидел?

Молчу. А накатывает. Жилетка вот она, совсем рядом. Но нельзя показывать слезы. Ничего же не случилось.

– Иди сюда, моя хорошая, – Света идет и обнимает. Уводит в темноту, которой во дворе особо и нет.

Хорошо, что на нас гостям плевать. Многие с улицы решили просочиться в дом. Большая часть уже давно там греется. Слезы проглотила, было бы из – за чего реветь. Прогулялись по саду.

– Завтра к пришельцам поедет, ты только осознай это!
Увидим гигантов! Уууу!

Приободрилась. Вернулись в дом. Нашелся трезвый кур-
санта, что гитару отца Светы привел в состояние музыки.
Бренчит и поет про девушку, перрон и парадку новенькую.
Эх, романтика такая. Я бы тоже ждала. Вот только нужна я
кому, кроме родных.

Часам к трем ночи стали такси приезжать, люди трезвели
и уезжали по домам и соседним городкам. У Светы друзей
оказалось не мало. А я примостилась на втором этаже в го-
стиной на диване. Будильник на мобильнике завела, чтобы
пораньше встать. Электричка на шесть тридцать. Значит, на-
до через три часа уже подрываться и бежать домой.

Ради такого дела, можно и недоспать.

Подумать только! Я увижу этого красавчика не из наше-
го мира вживую! Волнение накатило с невероятной силой, в
животе попытались вспорхнуть бабочки. Вспомнила краси-
вое идеальное лицо. А разве можно... всего лишь образ, да
так обожать?!

Глава 2

Фотоохота

Это очень тяжело. Скрипя и разгоняя тяжелый омут, сладкий утренний магнит, утягивающий назад, я поднялась и уселась на диване. Лишь одна мысль утешала – я посплю в электричке!

Дома все прошло как по маслу: пришла – все спали, уходила – все спят. Оделась практично и тепло, сгрэбла денег, что были на черный день. Мало ли в кафе посидим, или такси потребуется. Хотя со Светкой ни в чем нужды не будет. Она из семьи богатой, деньги не считает.

Ходила как – то с ней по Атриуму, думала, что у нее безлимитка на пластиковой карте. Она и сама, похоже, так считает.

Собралось нас шестеро, самые стойкие и волевые: я, Света, ее брат Гоша, мой нашкодивший парень Кирилл, подруга Светы Наташа, что приложением хвастала и та стерва, которая за спиной мне гадости говорила в беседке – Кристина.

Стоим на платформе, ждем паровоза, трясемся от холода. Кирилл мой угрюм. Я его простить уже хочу, потому что вид его такой жалкий, хочется пожалеть. Перепил, лицо какими – то пятнами пошло. Похоже, блевал, давление скакнуло.

Змея, именуемая Кристиной, продолжает смотреть на ме-

ня свысока. Неприязнью так и веет. Я помню ее слова, а она, видимо, не жалеет о сказанном.

Света начинает шутить невпопад, разряжая обстановку. Она же веселая. А что не радоваться, если на платежной карте безлимитка?! Чего мы тогда на такси не поехали, или вертолет не арендовали?! Надо будет подкинуть такую мысль.

Гудит электричка, показывая свою зеленую морду изда- лека. Замедляется, а мы разочарованно смотрим на битком набитые вагоны. Поспала называется...

Запихались принципиально, не стали ждать следующей. Не факт, что места больше будет. Ехали, как в консервной банке. Хуже всех было Гоше, он выполнял роль тарана или клина, короче утрамбовывал народ для места нам. Несмотря на тесноту, Наташа все – таки потрудилась, извернулась и вытащила телефон со своим чудо – приложением.

– Два есть! – Не смогла сдержать эмоций та. – На северо – западе и на Киевской. Ой, ой. На Курской, кажется, тоже!

Люди вокруг, как жирафы шеи изогнули, всем дико ин- тересно. Знают, о чем речь. Конкуренты наши. Света сразу заметила, руку с телефоном подруги опустила. На Курской будет битва за право приблизиться к прищельцу!

Ближе к Москве народа набивалось все больше. А наш не скептический настрой гас, тух и катился в пропасть.

– Выходим, – скомандовала вдруг Наташа за две останов- ки до Курской. Выпрыгнула на платформу, только двери рас- пахнулись. И мы следом. А что делать? Штурмана терять

нельзя!

В наши освободившиеся два метра площади забился десяток человек с платформы.

– Мне дышать нечем стало, – пожалала плечами Наташа с виноватым видом.

– Ну е – мае. – Выдал Гоша разочарованно.

– А я – то думала, – фыркнула стерва.

А у меня настроение все равно улучшается. Ветерок дунул, горячий лоб охладил. В тамбуре зажали со всех сторон, куда только не упирались, едва терпела. А теперь свобода. Как мало для счастья надо!

– Я думала, ты засекала кого ближе, – буркнула Света и повернулась к перилам. Я за ней. Глядя на пустующие улицы пригорода, возникло чувство, что народ взбесился.

Ну, мы же не такие!

– Гляньте на небо, – голосом с попойки сказал Кирилл. – Их сферы видно.

Присмотрелась. В небе два отблеска. Высоко – высоко, будто крылья самолета на солнце переливаются. Вот только ЭТО никуда не двигается. Что шары – догадайся сам. А так, да... Инородные космические тела к нам пожаловали.

– Они расползлись от центра, – тожественно заявила Света, что и так стало ясно.

Наташа, не отлипая от телефона произнесла:

– Пишут, что на десять километров уже разошлись шарики. Синий отдаляется от зеленого.

– А еще что пишут?! – Подкатил Гоша к Наташе. Подбородок на плечико ей положил.

Смотрю на Кристину. Этой хоть бы что. Глазками постреливает на моего... моего парня! Вот сучка!

– Кирюша, – говорю мягко. Взглянул, молчит.

То есть это я должна прощение просить?! В нашей семье мужик – я. Ну окей.

Стоим дальше, в телефоны уткнулись. А что делать. Смотрю от мамы два сообщения.

«Где ты шляешься?» и «Позвони отцу»

Попала. Ну а что теперь делать? Довершить начатое, потом не обидно и за дело получить. Отписалась, что гуляю, буду ближе к обеду.

Звонит...

– Девочки, – интригующе так зазвала Наташа. – Всем ссылку кинула! Первый контакт случился! Наш заговорил с ними! А я той блогерше предлагала десятку. Пусть ее теперь жаба задушит!

Сбрасываю... Мам, прости. Пишу быстро: «Телефон разряжается!»

Приходит ссылка от нашего штурмана. Видеоролик.

Каждый в свой мирок смартфонный окунается. Кроме Кириллы, он в дисплей моего телефона почему – то стал пялиться.

Теплеет мое сердце.

Ролик уже пошел. Блогер чуть ли не школьник, сидит пе-

ред вебкамерой в своей неубранной квартире, воодушевленно рассказывает, как они прорвались сквозь наскоро выстроенные карданы к одному из пришельцев. Судя по всему, это было вчера.

– Я спросил его, а вы понимаете по – нашему?! – Говорит парень. – Он мне кивает. А я говорю, можно с вами сфотографироваться. А он – ты должен обратиться на моем языке и фразу говорит! А у него голос такой странный, будто это я сам говорю себе, но и его грубый слышу. Короче. Все внимание!

– Деней оноа морэ! – Произносит Наташа, что уже посмотрела.

– Всего – то?! – Воскликнула я и повторила звуки: – «Деней оноа морэ»...

– Ссылка на фотку есть, – с завистью говорит Света.

– И в правду, сфоткался, – восхищенно выдыхает Кристина. Гоша ее сзади обхватывает.

Поймала себя на зависти. Кирюша, ну обними и ты меня.

Не решается. Или стесняется меня? Чувствую холод...

Под видео ссылка. Жму. И мне сказочный мир открывается. Пришелец с блогером стоит, улыбается. От парнишки одна голова, камера выше берет, чтобы пришельца полностью охватить. У этого черты лица другие. Но волнуется все внутри еще хлеще прежнего. Глаз оторвать невозможно. Такой мужчина красивый!

– Девочки, вы сейчас описаетесь! – Взвизгнула Наташа,

глаза зеленые вылупила на дисплей своего смартфона. – Бежим за мной!

И как ошалелая помчалась по лестнице из прутьев с платформы. Мы за ней.

– Где!?! – Ревет Гоша.

– Наташка, не молчи!! – Кричит Света.

– Да не беги так! Споткнешься, телефон разобьешь! – Добавляет Кристина.

Ага, без приложения мы слепы. Мысленно поддерживаю стерву.

– У макдака через две улицы! Я первая забила!

Пытаюсь с лестницы спуститься. Если до нормальной идти, эти уже убегут. А тут какой – то пожарный вариант, сваренный из прутьев арматуры.

Кирилл вдруг возвращается, чего не ожидала, руку подает.

– Давай скорее, Лерка, – пропитушка моя выдает.

Вернулся, мой хороший, за мной. Надо «коровыми» ляжками, значит, поработать. Авось, похудею.

Бежим, за руки сцепившись. Тянет меня вперед. Небольшой парк, похожий больше на мусоросвалку. Пробегаем, дальше дорога. И волна непонятная со стороны Москвы идет. Прямо дуновение ветра такое характерное. Смотрю, а с ближайших домов и шоссе люди спешат, машины мчатся. Как в поэме: смешались кони, люди, мухи, ну и всякое непотребное. Народ, наверное, шар увидел, как спускается, мо-

жет приложением кто еще пользуется.

Вся эта обстановка прыти прибавила. Бегу и повторяю «Деней оноа морэ, деней оноа морэ...» Алинка от зависти лопнет! Да что сестра, весь институт!

Растянулась наша колонна. Впереди всех Гоша скачет, за ним Кристина. Она девочка спортивная. Вот же змея. Еще в школе помню, как участвовала в забегах. А я совсем отстала. Чувствую, что обуза. Дышать нечем, бок заколол, на шаг перешла. Тут – то Кирилл руку вырвал, бросил укоризненный взгляд. Я пожала плечами виновато. В глазах «не отпускаяй», а сама киваю, мол беги за ними.

Побежал. А я пешком. Позади волна людей, мотоцикл пронесся, за ним еще три. Мигалка завизжала полицейская. Дурдом какой – то.

Позади толкнули. Сильно так, что мозги сотряслись. Не поняла как упала. Мальчишка мелкий через меня перелетел.

– Кобыла неуклюжая! – Кричит озлобленно какой – то мужик, поднимая ревущего пацана.

Сижу на асфальте, колено и локоть саднит. Страшно рукав поднять и посмотреть что там. Вижу все, кроме Кристины притормозили. Парень мой назад бежит. Остальные мнутя в сомнениях. Ко мне бежать или за пришельцем. До него, как поняла еще немного осталось.

– Ты как? – Кричит Кирилл, едва добежав. – Сможешь идти?

Что за вопрос?! Киваю, сама от себя не ожидала. А он раз-

ворачивается, машет остальным и срывается на бег в сторону, куда и бежали.

Сижу одна. Точит досада, обида жжет. Вроде бы ничего не произошло, с кем не бывает. Упала на ровном месте. Народ вокруг проносится, как ошалелый.

– Мама, а можно дядю инопланетянина чизбургером угостить? – Говорит малыш, ковыляющий с мамой за ручку.

Смеюсь тихонько. Движение немного утихло. Поднялась, смотрю уже и кордоны подтягиваются полицейские. Неужели теперь все так серьезно?

Из – за ресторана дядюшки Макдональдса фигура здоровенная показалась, ее как тараканы люди облепили. Издалека много не рассмотреть. Но картина ясна: прогуляться бедному инопланетянину не дают.

Остановился. Нагнулся к кому – то, выпрямился, замер. Посмотрел по сторонам. О! За руку кого – то взял. У меня в груди счастье, будто самого бога, ангела вижу. Да что ж мелочится, президента! Метров сто от меня стоит. А будто рядом. Восторг пеленой искристой все закрыл. Уже и не думаю, что локоть и колено в кровь. Плетусь туда. Но сквозь народ не пробиться.

– Разойтись! – Ревет в рупор полицейский. – Всем отойти на безопасное расстояние!

– Дорогу! – С хрипотцой говорят за спиной. Полицейские со щитами и дубинами напирают.

Быстро же они. Обернулась в сторону пришельца. Стоит

такой весь сияет белозубой улыбкой. Красавец. Хочется потрогать, вдохнуть его запах. Детский восторг рвется из глубин сознания. Дедушка мороз пришел, его хочется потрогать, хотя бы за кафтан или бороду. Он ведь настоящий! Добрый! Волшебный!

Шар возник зеленый, окутывая ближайших к пришельцу зевак. Беззвучный хлопок, только колебания в воздухе резкие, словно порыв ветра. Народ разочарованно ахает. Все, улетел.

Ищу своих. Минут сорок искала. Пока сообщение не пришло, что в кафешке неподалеку уже сидят. И от мамы весточки, штук десять смс, и от папы три непринятых звонка. День не задался...

Нашла ребят. На диванчиках за столиком идет активное обсуждение. Кристина радостно визжит. Она сумела сфотографироваться с пришельцем! Завидую ей искренне, черной, пречерной завистью. Задушить хочу.

Не дошла до них пару столиков, когда услышала:

– Да все из – за этой жирной коровы, – обронила Наташа.

– Да ладно, – неоднозначно бросил Кирилл.

Развернулась и пошла на выход.

– Лера! – Крикнула Света в след. Надо же, спохватились.

– Да пусть идет, – выдал Гоша.

Иду... Как в тумане. Парень мой сказал «да ладно». Что значит – согласен со сказанным. Истина есть: обижаться нужно лишь на тех, кто дорог. Они за душу трогают, потому

как ты перед ними ее обнажаешь. А я и не жду лести. Просто разочарована в Свете, в Кирилле. Остальные ничто, пыль, тень, пустота.

Но как мне важны их мнения! Как ни крути, как ни убеждай себя в обратном.

А я – корова.

Приходит сообщение от Кристины. Пф, простая рассылка фотографии с пришельцем. Кто бы сомневался. От Светы пришло, от других. Не читаю, убрала смартфон в кармашек.

Надо быть сильной. И смотреть правде в глаза. Люди злые, они выворачивают твои недостатки наизнанку, выставляют напоказ, высмеивают и преувеличивают. Даже те, кто считаются друзьями, все равно на подсознательном уровне подчеркивают их. Ровняются с тобой и радуются, что лучше. Они все жестоки.

Не помню, как добралась до дома. И как мать ругала, с отцом соревнуясь. Арестована до института. Спасибо. Алинка сочувственно посмотрела на мои ссадины.

– За пришельцем бегали? – Спросила со всей серьезностью. – Подруги твои нафоткали нормально. Зачетно. Ты, это, если надо, тушь мою бери и помаду. Я не против.

Обняла сестру.

– От тебя пивом несет и куревом, – прокряхтела Алинка. – Вяяя

Сжала ее сильнее. Мою маленькую сучку, чтобы не вякала, когда большая старшая сестра в депрессии.

Настали будни института.

Снова рано вставать, ехать к черту на кулички. Уже не так грустно и обиды особой нет. Учеба забирает часть моей злости. Курсант Гоша уехал в военное училище дальше отбывать наказание и тосковать по свободе. Света учится в более крутом университете, ее тоже теперь не видно. Наташка, штурман наш также где – то в Москве, ей там вроде как квартиру сняли. Видела в соцсети все их движения. Участвую без видимого участия. Со мной никто не общается, я – сторонний наблюдатель. Света так, иногда по схеме: «как дела, у меня тоже ничего». С последней встречи наши отношения резко охладели.

Единственное, что нас связывало раньше, так это уличные гулянки и откровения в сети. А теперь разве до них?

Одно гложет и напрягает каждый день учебы: стервозина Кристина. Она учится в моем же институте, мы еще и в одной группе!

Она теперь звезда нашего курса. Даже преподаватели делают ей поблажки. На одной из лекций, учитель по макроэкономике попросил ее рассказать о контакте с пришельцем. И змея с трибуны при всем курсе расписала в красках свое приключение. Мне было противно.

Но не все так грустно. С Кириллом завязалась переписка,

пригласил на пикник в выходные. Погода будет солнечной. Посмотрим на его поведение. Я – сама отходчивость, не могу долго обижаться.

Между парами видимся, чмокаем друг друга в щеки и расходимся. Вот и все отношения. Жду выходных и пикника на природе. Только мы вдвоем. Веет романтикой, которой мне так не достает.

За первую неделю учебы ничего особенно не изменилось. Рутинка...

Здание института старое, времен второй мировой однозначно. Древний паркет скрипит так, что на нижнем этаже слышно. А ходить лучше не на каблуках, а то крыши «мышиних домиков» проломить недолго. О покрашенных стенах десятым слоем краски вообще молчу, не редко на них то соплями напишут, то чем похлеще. О нашей библиотеке можно складывать легенды, стариной несет, что можно ветхий завет откапать, если сильно постараться и труп найти задохший предыдущей библиотекарши.

Но самая главная фишка – это замазанные жирной, белой краской подоконники, напоминают место ведения боевых действий. Ни одна тысяча задниц посетила их. А еще слюни зав кафедры прилетают регулярно, когда эта невменяемая старушка сгоняет наглых студентов с неположенного для посиделок места.

Что до жизни вне стен. Пришельцы теперь стали новостью номер один. СМИ все на первую полосу лепят. Гиганты ста-

ли появляться и в пригородах Москвы, а в центр наоборот не высаживаются. А мне приелось, теперь люди знали, как надо просить и делали фото и видео с ними, где бы эти красавчики не появились. А они как специально возникали там, куда надо еще добежать. Будто им в забаву наблюдать, как толпы ополоумевших бегут.

Все примелькалось, приелось. Думаю о парне. А сердце предательски стонет о Стасе Егорове. Видела его недавно. На машине крутой приезжал в городок вечером. Но мне его машина не нужна, только он сам. Чтобы обнял сильными руками и притянул к своему каменному прессу. Как хочется прижаться к нему, волосы каштановые погладить, пальцами пронизать. Чтобы целовал меня, как свою.

Размечталась толстуха...

Четверг. По старой традиции иду в столовую института и покупаю пирожные. Кристина тут как тут. У нее образовалась группа фанаток и фанатов. О Гоше эта девица забыла. Слышала я раньше, как чирикали, мол буду ждать, жди родная, чмок, чмок, чмок. Лицемеры.

Она еще задницу качает, ходит вечно в спортзал до позднего вечера. Поэтому мешки под глазами даже пудра не берет. И не только из – за спортзала, она теперь блогерша заядлая, у нее подписчиков тысяч пятьдесят. Скоро и за рекламу будет грести.

Я злобная и завистливая. Хочу сладкого, чтобы стать добрее.

В столовой как всегда народа тьма. Спешила на большом перерыве, как и добрая половина института. Голодный студент – злой студент.

Пирожное досталось мне пошарпанное, и самое последнее ухватила. Жаль, но ничего не поделать. Присела за отдельный столик. Язычок свой балую, кофе «капучино» пью без сахара. Крем во рту таит. Наслаждение райское. Эндорфины шкалят.

Подсаживается болтушка Маша.

– Лера, ты не в курсе, что Кирилл там затеял? – Спрашивает, сузив глазки.

Пожимаю плечами. А от волнения аппетит пропал.

– Он меня спросил про украшение, – шепчет, наклоняясь. – Мол, что мы девушки предпочитаем больше. Я сказала подвеску или серьги. Ты только никому, поняла?

Киваю. Кусок в горле застрял. Мой парень хочет мне что – то подарить?! Советуется?! Почему именно с Машкой, она – то вообще даже без часов ходит, не говоря уже о других аксессуарах.

Подсаживается еще одна сплетница, теска моей сестры, Алина.

– Что у вас с Кириллом, Лерка?!

Краснею. Волнуюсь. Неужели, действительно подарок мне хочет сделать?!

– Хочешь корзиночку? – Предлагает Алина и подает мне на тарелке. – Бери, я что – то пожадничала, лишнее.

Пожимаю плечами. Пододвигает ближе. Машка вскакивает. К столу еще две девочки с группы подходят. В руках пирожные!!

– Лер, угощайся.

– Бери Лерка, не жалко.

У меня шок. Вскоре стол уже завален пирожными. Каждый подошел и поставил что – то. Странно все это, мысли в голову лезут противоречивые. Девочки разлетаются, как мухи. А я оказываюсь в фокусе смартфонов.

– Лера! Деней оноа морэ? – Говорит Кристина на инопланетном, обращаясь ко мне. Мол, можно с вами сфотографироваться?

Смотрю на нее... на окружающих. Меня снимают на камеры мобильных все, кому не лень. И ржут, как лошади! Хочется сбросить все это добро со стола. Встаю резко, ком в горле поддавливает.

Что им всем сделала?!

Пытаюсь выскользнуть, не дают. Смеются. Гадко так. Хочется сквозь землю провалиться. Прорываюсь к выходу, за мной идут. Кристина что – то кричит в след, я уже не слышу и не слушаю. Горечь на языке, плохо, голова закружилась, вертолетики в ней залетали. Бегу в туалет. Все что съела, вышло обратно...

Погано. Весь институт смеется надо мной. Весь мир против меня. Это все она, Кристана, тварь такая. Ненавижу, убью. Как же плохо.

Реветь хочется в голос, да чувствую все они где – то тут со своими телефонами. Сажу в туалетной кабинке, нашла в сумочке салфетки давно высохшие уже. Привожу себя в порядок, успокаиваюсь. Покажешь боль, высмеют еще больше.

Вышла, никого. А! Пара началась очередная. А я домой, пожалуй, пойду.

Какие теперь пары! Сорвалась, никому ничего не сказав. Даже старосту не предупредила.

В пятницу, сетуя на плохое самочувствие, тоже осталась дома. В душе моей разрасталось что – то черное, выворачивало мою самооценку наизнанку, резало и рубило ее, рвало в клочья.

Родители с утра на работу умотали, не заметили моей халтуры и хандры. А вечером Алинка спохватилась.

– Лееер?! Ты чего?!

Подалась к сестре, обнялись. Слезы на ее маечку лью. Алинка похлопала по спине, встала, и, пряча глаза, удалилась. Ее парень ждет. И меня, наверное...

Не хотела в сеть выходить. А что делать?! Отвлечься бы как –нибудь. Кириллу напишу. От него за день ни весточки. Не побеспокоился. Занят, наверное. У них там семинар, вроде как, по спец предмету.

Приятно удивлена. В соцсети сообщений море от разных людей. Но, зря радовалась... Во всех без исключения – ссылка на одно и тоже видео. Videоблог, что ведет Кристина. Она же теперь звезда и сияет, поддерживая свой имидж.

А там я.

– Вы думаете, инопланетяне прибыли из космоса? – Говорит она, жестикулируя и играя бровками черными. – У нас в институте они тоже есть!

Кадр сменяется на вид в столовой, где я в окружении кондитерских изделий. Вид у меня такой идиотский. Смотреть стыдно на себя саму.

Дальше не лестные слова о моей фигуре. И кадры различных танцевальных групп, попотряска типа тверк. Монтаж на уровне. Я повержена. Но спокойна. Это даже забавно вышло. Но не будем расстраиваться.

Ведь Кирилл мне написал!

«Завтра в силе? Привет»

«Конечно!»

«Ок. Зайду после обеда. У меня для тебя сюрприз. Надеть под платье купальник, будем загорать».

Заинтригована. Озадачена и... наверное, чуть – чуть счастлива. Это как с зимы в лето, с темноты в свет, с черной полосы на белую.

* * *

Я – гусеница. Смотрю на себя в зеркало. Купальник делает из меня ту еще гусеницу. Боже, так показаться ему не могу. Что во мне такого?! Чем его зацепила? Добротой? Позитивом? Второе сомнительно. Я становлюсь все печальнее

и угрюмее.

И этот купальник. Лишь грудь меня радует. Пышная, сексуально привлекательная форма. Максиму она нравится. Его Алинка та еще плоскодонка. Но о сестре нельзя так. У нее еще вырастет, когда забеременеет. Хи.

Оделась. Если и будем где раздеваться, постараюсь сразу лечь, чтобы не рассматривал. Если правильно все поняла, мы за карьер пойдем. Очень – очень далеко, где никого не должно быть.

Жаркий выдался денек. Набрала пакет неподъемный, покрывало, бутерброды, салатиков в контейнеры нарубила. Раз уж пикник, парня своего голодным не оставлю.

Ждет у подъезда на лавочке. Вернее, сидит на ребре спинки, а ноги на лавочке. Сколько бабульки не ругались, молодежь все брезгует попы свои бросить, где положено. Меня увидел, прыгнул. Сам в джинсах, кроссовках, майке с воротничком и в кепке. Улыбается так скромно, мой хороший.

Кажется, начинаю видеть в нем много всего интересного и важного. Не понимаю пока что именно, но тянет к нему. Он ничего мне плохого не сделал. Просто скромный, не конфликтный. Такой хорошенький.

Спешу к нему. Целуемся в щеки. За руку беру.

– Давай сюда, – отбирает пакет. Джентльмен. У него тоже баул не маленький. Интересно, что он там набрал?!

Солнышко светит, ни одной тучки на небе. На душе свободно и легко. Прочь пошли эти комплексы и предрассудки.

Даже то, что трава зеленая важнее. Жаль, цветов уже повяла половина. Но одуванчики не сдаются. Все в этих желтеньких «цыплятках».

– Ты как? – Спрашивает мой скромняшка по дороге.

– Все хорошо, – улыбаюсь.

Перешли железную дорогу, идем по тропинке. Березы листьями шелестят, склянки зеленые в лучах играют. Бутылок разбросали бомжам на радость. Позади электричка проносится, грохочут железные колеса быстрыми перестуками. Ощущение, будто все плохое и негативное с ней вместе уносится.

Прошли старый сарайчик. Уже по доскам растащили практически все. Тут раньше бомжи жили, потом согнали их, после того, как обворовали тетечку с соседнего дома. Тропинка шире стала. Вышли к деревушке старенькой в четыре дома. Тут собака за забором залаяла хрипло и лениво. Слышала, что бабка живет одна единственная тут на все поселение. Век свой доживает, все родные ушли, а пес с ней остался. Фольклор местный, правда или нет, никто не знает.

Впереди показалась поляна, а за ней уже лес. Руку отпустила бегу вперед, цветочки собирать хочется. Синенькие, желтенькие. Бабочки летают. Обожаю этих созданий. Нарвала букет, в лесок нырнули. Запахи шашлычка пошли. Аппетит разыгрался, греет душу, что бутерброды – то с колбаской. Скорее бы дойти!

Музыка из магнитолы автомобиля доносится. По левое

плечо народ веселится. Как они только машину умудрились через деревья так загнать.

Кирюша за руку хватает, стороной ведет. Не хочет, видимо, встречаться с местными. Да и мне они не нужны. Голоса девичьи как ножом по слуху режут. А смешки, так вообще на сердце давят грузом недавнего позора. У меня, похоже, фобия начинается на почве всего этого. Где ни смех, сразу думаю, меня высмеивают.

А шашлычка – то хочется! Надо будет со стипендии набрать мяска, замочить по рецепту бабушки. Да собраться парами, я с парнем, да Алинка с Максом. Винца красного взять, ну и сока Алинке. С водкой, потом на камеру заснять компромат, как будет чудить. Я злая. Потому что голодная.

Вышли на карьер. Тут озерко есть. Народу мало, все продолжают охоту на инопланетян. Водоем обошли, тут в основном рыбаки старые сидят, высиживают до самой ночи. А купающихся по возможности сил сгоняют. Раньше тут война на этой почве была. А потом рыбаки стали в воду всякую дрянь кидать, и не докажешь ведь.

Занырнули в чащу, здесь зелень разрослась, как настоящая хозяйка. Уже дикая природа начинает пронизывать своей атмосферой. Кое – где кусты черники. Отошла ягода, но густые кустики все равно привлекают мое внимание. Вдруг да найду чудесным образом прoderжавшуюся ягодку.

Кирилл ведет настойчивее вперед. Намекая, что нечего тормозить. Вышли на проталинку. Кусты малины дикой

пря́м в центре целой шапкой стоят, крапива их охраняет. У них тут симбиоз. Если поискать, можно найти что – то несо-
рванное.

Замечаю за собой, стоит в лес пойти, сразу дикость какая – то просыпается, хочется ягоды искать, грибы, животных высматривать. Дышать хочется, вдыхать все это. И даже запахи дымка или звуки играющей где – то музыки не могут нарушить сего таинства.

Выбрали местечко под солнышком, разложились.

Кирилл вино достает! И стаканчики одноразовые. Хм...

Ну а что?! Все располагает, лес будто замер, ожидая моего решения. Стану ли я противиться. Нет, не стану.

После плодотворной борьбы с пробкой, белое сухое разливается по стаканчикам.

– Давай за наши с тобой отношения, – с нотками волнения говорит он. – Чтобы они прогрессировали, так сказать. Нам же хорошо вместе, и... и надо, в общем развиваться...

– За нас, – добавляю и пью. Немножко.

В горле потеплело и дальше пошло, послевкусие не очень, дешевенькое... а что с нас студентов взять? Замечаю, что Кирилл выпивает все залпом.

Нервничает. А я освободила себя. Мне в этом месте хорошо, вокруг никого. До нас никому дела нет. Все институтские сучки за пеленой, размытые, мутные фотографии в памяти. А мой парень такой яркий, все мое воображение в себя впитывает. Щурится от солнца, от того он такой красивый

и милый.

– У меня для тебя подарок, – неуверенно произносит мой скромный после нескольких минут молчаливого наслаждения друг другом.

Шуршит пакетик. И... я вижу торт. Торт?!

Меня, как кипятком ошпарило, пощечиной обожгло от непробудного сна.

– Что не так? – Замечает мою реакцию.

– А ты не знаешь? – Обиженно отвечаю.

– Нет, – пожимает плечами. – Я там, это, в смысле подарок спрятал. Он, э... а торт сливки, есть особо нечего. Найдешь подарок? Ну, поищи? Думал, тебе понравится.

Грустнеет мой сладкий. Ну а я... я задумку оценила. Решила подыграть. Отделила пластиковыми приборами кусочек. Попробовала, ничего так. Скушала один. Ничего не нашла.

– А какого размера подарок, скажешь? – Спихватилась, мало ли, съем.

– Заметишь, не переживай, Лерка, – смеется, мой находчивый мальчишка.

А я решила схалтурить. Ножичком тыкаю.

– Так не честно! – Возмущается. Прямо ожил. Радуюсь, что он эмоции стал проявлять.

– Ты тоже ешь! Давай, давай.

– Я буду другое! – Заявляет и достает из пакета баллончик сливок. – Давай руку.

Загадочный такой. Протягиваю руку, хмель в голову ударила, ничего не страшно.

Давит мне на ладошку сливки... на пальчик. Так приятно. А потом вдруг опускает туда свою голову и начинает слизывать!

Хочу отдернуть, а слабость такая, что нет сил. Одно Я говорит, стоп, остановись, не надо. А другое смеется над первым и наслаждается процессом.

Улетаю на седьмое небо, когда он мои пальцы начинает облизывать, обсасывать, словно леденец на палочке. Мне стыдно стало, руки – то немые после цветов. А слова сказать не могу, тону в блаженстве.

Никогда прежде не ощущала ничего подобного. Внизу живота волнение, щекотно что – то. Блаженство пуховым одеялом накрывает.

– Давай загорать, – шепчет, закончив с пальцами.

Слушаюсь его, как замороженная. Снимаю платье, ложусь. А он мне на живот сливки выдавливает! Краснею, а двигаться не могу, возразить не могу... даже мысль сформулировать просто никак не выходит. В горле застряло только стонущее «Ах...».

Язык касается живота. Щекотно! Хихикаю, как дура. Он прекращает.

Шляпкой голову прикрыла от солнца. Чувствую, как к ладони что – то мягкое поднес.

– Вытащи так, рукой. – Мурлычет.

Торт? Руками что – ли? Подчиняюсь, копаюсь рукой, пытаюсь нащупать что – нибудь твердое. Пока только крем, сливки.

А сливки как забили фонтаном по всему моему телу. Неужели он это все есть собирается? Нет... нет, туда не надо.

– Что ты делаешь? – Шепчу едва слышно, когда на грудь попадает. Даже через купальник ощущаю кожей эту прохладу...

Смеется. Необычно так. Снова... осознаю, что не он это! В груди холодеет. Приподнимаюсь, сознание будто током долбануло. Пробудилась ото сна.

Вокруг меня стоят люди. Девушки, парни. Все с направленными на меня смартфонами. Кирилл куда – то испарился. А я вся в таком непотребном виде. Рука в торте, сама вся в сливках!

Вижу Кристину. Глазам не верю.

Весь мой мир разбивается в дребезги, осколки самолюбия впиваются в мои руки, ладони, меж пальцев. Жжет все внутри. Подрываюсь, на грязное тело натягиваю платье.

– Фотоохота продолжается! – Раздается голос Кристины. – И сегодня мы застали нашу Фиону врасплох!

Бегу прочь от всех. Не вижу, куда, просто уношу ноги. Платье прилипло к сладкому телу. Которое я ненавижу все больше и больше. Господи, забери мою жизнь сейчас.

– Хва – а – тит жрать! – Кричат за спиной.

– Хва – а – тит жрать! – Это уже хором.

Горит все внутри. Как же погано.

Растоптана, разбита, раздавлена, размазана. Меня преда-
ли. Рыдаю...

Сквозь слезы вижу траву, стволы деревьев. Меня шатает,
иду. Позади уже не слышно никого. Господи, только бы ни-
кто за мной не шел. Отпустите меня, не трогайте. Просто
оставьте в покое. Я ненавижу людей. Они злые, они находят
жертву и убивают ее, убивают до конца.

Падаю. Колено саднит. Еще с первой фотоохоты на при-
шельцев. И вот снова разодрала по старой ране. Забавно, но
теперь на меня открыта фотоохота.

Начинаю реветь в голос. Скоро меня увидят тысячи. Та-
кую страшную, перемазанную в креме гусеницу.

– Я – гусеница, – блею себе под нос. – Кристина, тварь,
что б ты сдохла.

Ярость задушила. Слезы, ком такой, что дышать не могу.
Иду дальше, шатаюсь. Меня колотит, не могу на месте уси-
деть. Нервы стреляют по пальцам рук и ног. Умереть хочу,
чтобы просто не быть...

Успокоиться получилось не скоро. И лишь потому, что ба-
бочку необычную заметила. Крылья синевой сплошной, по
краям обрамление кружочками. Может это «Морфо Пеле-
ида»? Немного в них разбираюсь. Вот только что она тут де-
лает?

Сидела бабочка необычная на кусте шиповника, и вдруг
полетела в сторону просвета. Я, как замороженная за ней,

шмыгаю носом и пробираюсь сквозь кусты и крапиву. Вышла к просвету.

Поляна открылась солнечная. Цветы вроде бы и обычные, но слишком яркие и много их, будто человека еще не знали. Его жестокости не ведали.

Порхает моя синяя бабочка. И тут вдруг появляется зеленая! Еще больше этой! Тут я вообще в недоумение прихожу. Не иначе «Парусника Палинура» вижу! Да этого как занесло в наш климат?! Они же южнее водятся, да и что им тут есть?

Домысливать не успеваю, эмоции зашкаливают от следующего эпизода!

Уже две синие бабочки и с десяток зеленых! Все друг вокруг друга кружатся в центре поляны.

Спешу к ним. С горечью понимаю, что телефон с вещами оставила на злополучной проталине. А тут такое представление разворачивается! Резвятся бабочки в танце неземном. Феномен природы, событие века!

Я этих насекомых просто обожаю. Знаю о них немало. Изучала, материалы собирала. Бабочка – это настоящее проявление живого волшебства в нашем мире. Творение истинной красоты. А чем не магия? Была гусеницей, а стала бабочкой. Вот и я всегда мечтала крылья иметь. Чтобы улететь далеко – далеко от всего мирского. Завидую этим созданиям.

Смотрю за представлением, открыв рот и позабыв обо всем остальном. Две синие бабочки разлетаются в разные стороны. Одна улетает прочь, за ней гонятся все. А другая

синяя с одной зеленой кружится на месте практически. Будто пара. Но, насколько знаю, этого не может быть, чтобы бабочки разных видов, да в брачных играх. Что же это за извращение природы? Или так рождаются новые виды бабочек?!

Вдруг вижу, как синяя бабочка на две разделяется и падает. Не сразу сообразила, что крыло у той оторвалось. А зеленая улетает, причем истерично как – то. Кольцами, спиральями траектория прорисовывается, будто торжествует чертовка. Пытаюсь понять, что случилось. Подхожу ближе к месту действия.

Меня уже не волнуют другие бабочки, только эта горемыка. На земле она, в гуще травы я вижу крыло синее. Опускаюсь на корточки. Вот и бабочка раненная лежит, не шевелится даже, ни лапки, ни хоботок не дергаются. Крыло у нее одно осталось. Второе неподалеку лежит. Синее, все – таки, в траве легко разглядеть. Аккуратно беру ее. Нелогичное ощущение, будто теплом веет еще. Но чувства такие, словно рекой жизнь ее утекает.

Держу на ладошке бабочку и крыло ее оторванное. Горько мне стало. И так не хорошо. А теперь вдвойне. Не только мне сегодня досталось, чудо ты лесное, природное. Но и тебе.

Слезы прорываются вновь. Жалко и ее, и себя.

Тень возникает внезапно. Поворачиваюсь и вижу большого гиганта. Остолбенела, сомневаюсь, дышать ли вообще.

Инопланетянин стоит и смотрит на меня свысока! Такой красивый, белокожий. Мы только вдвоем. Нет людей, спе-

шащих к нему, и полиции нет, и кордонов силовиков вроде не предвидится. Вокруг пустота, и мир этот будто создал для нас вакуум и накрыл зеленым туманом от всех.

Его большие голубые глаза неотрывно смотрят в мои, сам улыбается сдержанной улыбкой, ветерок обдувает его золотые кудри, придавая неистово сказочной красоты его образу.

Страшно и волнующе. Сердце ускоряет ритм. На этой полянке только я и ОН.

Глава 3

Пыльца

Минуты две я стояла и пыталась родить хоть одну фразу приветствия. Пока он просто не отступил на шаг и его идеальные брови не вздернулись выше.

Стало быть, эту мимику я должна прочесть, как удивление?

Дрожу, трясусь, в ладони бабочка покалеченная. И стыдно, и неловко. Такая я вся некрасивая, зареванная, и платье в крему и грязи. Мошки вот – вот нападут и обглодают.

– Здравствуйте, эээ, – отважилась. – С приветом от землянки.

Вроде как должен понимать, как – то же с юркими папарацци находили они общий язык.

Улыбнулся уголком рта. Погрустнели его глаза. Опустил взгляд на ладонь с бабочкой. Чувствую, будто коснулось что – то неведомое и отступило.

Он меня понимает?!

– Тебе жаль? – Раздается его голос, как мой. Но в тоже время мужской такой, мужественный. Однако речь, интонация, не знаю, как объяснить. Все, как я ожидаю услышать, таким способом хотела бы подать, оно и подается.

Дух перехватывает не то от счастья, не то от страха. Слова

в горле застряли. Осознала всю степень серьезности такой встречи! Это ж инопланетный человек, гуманоид или робот со мной говорит! Нет, он уж точно не робот! И не киборг, и не андроид. Он живой, мимика живая, запах... А запах тот еще дурман, я понять не могу, что это?! Цветы?! Не из нашего мира точно. Шанель в исполнении пришельцев.

Кивнула на его вопрос.

– Почему? – Спрашивает, снова брови вверх.

Почему мне жаль бабочку?!

– Жаль красоту такую, – выдаю ответ. Блин, что со мной?

Дышать при нем забываю. В груди перехватывает.

– И все? – Чувствую удивление. – А боль?

– Боль? – Теперь удивляюсь я. – А разве...

– Да, я чувствую, – перебивает. Не понимаю его.

Разворачивается спиной. Тем самым вызывает у меня невольную досаду. Пользуясь тем, что отпустило, нагло люблюсь... Кафтан его синими узорами расписан. Мастерски, затайливо, завитушками да загогулинами. Руки за спиной держит в замке, как старец. Да... перчатки увидела, белизной поблескивают. Похожи на зимние вязанные, только вязка чересчур мелкая, плотная.

– А тебе почему больно? – Спрашивает из – за спины, не оборачиваясь.

Кольнуло в груди, но уже не так, как раньше. Будто весь мой позор не особо важен теперь. По сравнению с умирающей бабочкой.

– Предали, – отвечаю кратко, понимая почему – то, что ему не нужно много моих слов.

Оборачивается, вздернув брови. Опять удивлен! А у меня сердце екнуло.

– За что?

– За то, что некрасивая, – выдаю такое, что в следующий миг самой неловко, что болтаю и опускаю себя в глазах представителя веземной цивилизации.

А он усмехнулся!

Вот так просто, как обычный человек! Затем опустился на корточки и уселся на траву своей большой задницей. Пологи кафтана разбросал, ноги мощные в колени согнул, штанишки синие, на вид хлопковые. Теперь мы практически одного роста с ним. Глазами на одном уровне.

– И меня, – говорит с сожалением. И губы грустно так улыбаться стали. – Человечка не знает, красота – это всего лишь пыльца.

– Пыльца? Вы про бабочку?

– В этом мире подобие зовется так, – говорит, а я все больше восхищаюсь его внешностью.

Собралась с мыслями. Мне кажется он не прав в своем утверждении. Решила сумничать:

– У бабочек вообще – то крылья не от пыльцы красивые.

Замолкаю. Улыбается. Жду реакции. Мало ли разозлится на правду жизни. Молчит, заинтересованность читаю на этом шикарном лице. Голубые глаза его огромны и смущают

меня донельзя. Но уж куда теперь стесняться, продолжаю:

– Это все чешуйки, они полностью покрывают крыло. От них отражается солнечный свет, и этим придается окрас.

Вижу удивление.

– Человечка знает о своем мире, это похвально, – говорит важным тоном, сразу хочется грудь выпятить от гордости. А он продолжает:

– Коснись крыла.

Звучит, как приказ. Трогаю синее оторванное крыло, протираю пальцем. Краска! Синяя краска! Или пыльца?! Поднимаю глаза на гиганта. Он смотрит снисходительно.

– А что еще человечка знает о существах подобных Духу Кселаны? – Произносит величественно.

– Духу Кселаны?

– Бабочкам моего мира, – уточняет с улыбкой. – Расскажи, человечка. Ты заинтересовала меня.

От таких слов будто крылья выросли. Детский невинный восторг, не иначе. На нем и понесло. Он же гость, хочется рассказать самое интересное. А еще знаниями похвастать и показать какая умница!

Начинаю рассказывать невпопад, кусками. Страх такой образовался, боюсь, что соберется он уйти, и рассказать не успею все, что хотела. Разочаруется еще! А так хочется его внимания! Такой большой, красивый, смотрит открыто, улыбается, будто я принцесса тут стою!

Чувствую, заикаться стала. Так... успокоилась, теперь по

порядку.

Сперва, начала чуть ли не от зарождения жизни на Земле: про жизненный цикл бабочек, затем перешла к частностям и интересным фактам. Не забыла и мое любимое: о самой крупной ночной бабочке «Аттакус айтас», у которой размах крыльев достигает целых тридцати сантиметров! Ее даже с птицей путают. Верещу, показывая руками примерную величину.

Кивает, мол понял. Даже удивленный вид делает. Самому – то на ладошку эта бабочка. Млею и дальше тараторю о том, как некоторые бабочки преодолевают немыслимые расстояния. О вкусовых рецепторах у бабочек, что находятся на лапках, и поэтому, стоя на растении, те могут ощутить его вкус...

И так я проболтала, пока не поняла, что язык устал молоть, а инопланетянин уже перестал пылать интересом. Утомился?

Остановилась. Жду.

– Любишь красоту, но считаешь, что обделена, – говорит вдруг. – Но красота – это пыльца.

– Я уже поняла, – киваю, заладил про свою пыльцу.

Смотрю на две половинки синей бабочки. Положила до начала рассказа в сторонку. Там и лежит в травке.

– Человечка, найди листок, – приказывает, снимая перчатку.

В груди сердце бешено застучало. Без вопросов бегу к

первой попавшейся ветке и срываю листок.

– Человечке не свойственна жадность? – Удивляется гигант за спиной. – Бери очень большой листок.

Лист лопуха что – ли?!

Нашла, самый крупный. В туалет захотел? Хихикнула про себя. Возвращаюсь. Смотрит на меня чарующе, глазами поедает. Иначе как – то. Уже не так высокомерно. Что – то в его взгляде изменилось кардинально. Теплее, роднее, ближе.

– Подставляй листок свой, человечка, – говорит мягко.

Как замороженная протягиваю лопух на ладошке. Он белеющую руку, что без перчатки, в кулак сжимает. И вдруг из кулака песок посыпался, блеском играя, будто серебряная стружка.

Горочка все больше и больше, ручке все тяжелее моей и тяжелее. На вид как сахарный песок тростниковый.

Остановился. Кивнул сам себе.

– Убирай пыльцу, человечка, – говорит с улыбкой. – Не переусердствуй.

Киваю, абсолютно ничего не понимая. Заворачиваю в кулек, просыпать жалко, будто алмазы в руках держу. Глаза мои горят, сердце замерло, что – то ценное дал. Важное, волшебное и из другого мира.

Неловкое молчание. Жаль его отпускать. Что бы еще спросить?! Вопросов море, но не решаюсь задать.

– Извините, что любопытствую. Кто вас предал? – Начинаю наглеть.

Вижу, что задумался гигант. На солнышке его кудри золотые переливаются, губы такие большие, пышные. Что – то в груди теплится, поцеловать его хочу. Но он словно по ту сторону мира, что разделен бездонной пропастью.

– Человечка видела схватку, – отвечает и снова смотрит так тепло.

– Вы та бабочка? – Тупой вопрос на языке вертелся.

– Дух Кселаны одна из форм, – отвечает витиевато. – Для человечки это – да.

– Их было больше, – выдаю.

– Ваш мир нашли одновременно, – говорит гигант ровным тоном. – Эрей и Мор. Сегодня была последняя битва сильнейших. И Мор преступил кодекс чести, обманул. Тем самым предал.

– Врагу изначально нельзя доверять, – вставляю свои пять копеек. – И это не может считаться предательством. Скорее военная хитрость. Их было больше...

– Мор предал Клесану, значит и меня, – говорит повышенным тоном. Ощущаю, как клеточки моего тела дрожат перед его нарастающим гневом. – Кодекс един, и это – слово Клесаны. Мор не дал биться по правилам. Мой приемник был вынужден уйти. Я проиграл, а ему не перешел знак клана Эрей. А значит мы, клан Эрей, вскоре сгинем.

Практически ничего не поняла. Но соорудила примерную версию: синие против зеленых, зеленые вероломно победили. Ну а дальше – то что?

– Что теперь?

– Теперь ваш мир принадлежит им, – выдает так горько, что у самой сердце начинало скулить. А я думаю, им, вам, какая разница. Вы все красавчики. Так стоп.

– В смысле? Нас приватизировали что – ли?! – Я уже борзею.

А гигант улыбается с горчинкой.

– Ваш мир уже на Поляне миров и имеет знак Мор.

В смысле – захвачен? Не знаю, не верится что – то. Вроде ничего не изменилось, солнце светит, птички поют, воздух тот же. Ни дыма, ни зарина с зоманом и виэкс – газом. Сирены не воют, самолеты военные не летают, уроды не бегают, роботы нас не истребляют, в клетки никого не сажают. Все как было, так и осталось.

– Ничего не изменится, – произносит утешающе, словно чувствует мой молчаливый вопрос. – Вскоре мы уйдем и оставим все, как есть.

– А можно узнать ваше имя? – Вдруг спрашиваю.

Гигант впервые нахмурился. Так страшно стало, отступила на шаг.

– Человечка смелая, раз спрашивает такое, – начал грозно, мурашки прокатились по моей спине. Дальше уже мягче продолжил: – Эрей Авель мое имя. Но человечке не нужно знать о нашем мире и обо мне.

– Я знаю пару ваших слов, – хвалюсь. Поднимает брови. Хочется его удивить, чтобы снова улыбнулся, поэтому вы-

даю: – Деней он...

Руку выставил ладонью. Хотела фразу: «Деней оноа морэ» сказать, не дал. В горле слова встали. Замолчала. Что – то не так...

– Никогда не произноси этого, – говорит с укором.

– «Можно с вами сфотографироваться» – это нарушение каких – то авторских прав? – возмущаюсь.

– Это означает другое, – мотает головой. – Это клятва быть рабом до смерти. Человечек сказавший подобное слуге Клесаны становится его рабом. Когда они уйдут, с ними уйдут и все принадлежащее им.

Оцепенела. Мозг усиленно заработал, перебарывая в некотором шоке. Все, кто сфотографировался с ними, предложили себя в рабство?! Вот же хитры эти пришельцы! Фотка после этих слов! Услуга инопланетян за служение до смерти?! Боже... не верю я этому Эрею Аверю. Ну не верю!

– Они уйдут... а вы? – Уточняю. Он сказал: «Они», произнес с грустью.

– А я остаюсь, человечка. Моя участь – смерть, – произнес без нотки сожаления.

В груди похолодело. Верю и не верю. Что за драма такая?! Не сдержалась. За руку взяла, вернее за палец без перчатки.

Рывок!! Внезапный ураганный ветер отбросил меня метров на двадцать. Толи летела, толи проволокло. Но о ствол дерева ударилась чувствительно.

Ни крика, ни рева. Ничего. Просто сажу, облокотившись

спиной о дерево. Голова кружится, картинку стабилизирует. Вижу, фигура Эрея Авеля возвышается над растительностью. Постоял гигант немного и на меня пошел.

Вот тут – то я запаниковала. Не к добру это все. Но сил подняться нет. Слабость во всем теле. Обмякла, сдалась.

А он неминуемо подошел. Опустился ко мне низко – низко. На колено, словно рыцарь. Кудри золотые тяжестью на мою шею и плечи упали. Будто ласкают мою кожу тысячи робких поцелуев. Млею...

– Ну, зачем, человечка?! – Простонал гигант, опомнилась. – Ты прикоснулась ко мне. Теперь назови свое имя.

– Валерия, – шепчу. Тяжело говорить, в груди что – то отзывается неприятной тупой болью.

Навис тенью надо мной, лицо мое утонуло в его волосах. Запах вдыхаю дурманящий. Хочется обнять его. Пусть он и швырнул меня хорошенько так. Но сама виновата, не зря они перчатки носят.

– У Эрея Авеля последняя просьба к человечке Валерии, – говорит едва слышно. Но каждое слово будоражит душу.

Робко, но настойчиво беру его за голову обеими руками. Преодолевая опасения, страх и трепет, с затаившимся дыханием. Чувствую тепло и мягкость на ладонях, мощь и силу. Приподнимаю ее, чтобы в глаза мне смотрел. Чтобы губы его видно было. Поддается легко. Глаза открывает! Ведь закрытые были! Нос его большой и твердый мне на треть лица.

Но это не важно. Чувствую его дыхание своей кожей. Как из него выходит воздух, и... силы.

– Просите, что угодно, Эрей Авель, – шепчу, будто сквозь сон. Мои губы едва касаются его верхней губы. Тянусь к нему, хочу шею могучую обхватить, обнять, как родного.

Он не противится, сдался, или ждет чего – то. Но вдруг произносит:

– Убей меня.

Дергаюсь, как от взрыва и встряхиваюсь от наваждения, говорю резко:

– Нет.

– Или я умру в мучениях после заката, – произносит без нотки страха или сожаления.

– Не могу отпустить тебя, – шепчу и слезы начинают литься из меня сами собой.

Не могу... этот сладкий утренний сон... волшебные грезы. Будто сладость последних минут перед ранним вынужденным пробуждением.

Эрей Авель приподнимается, доставляя мне мучительную боль. Ибо его лицо теперь не так близко, как я хочу, как мне необходимо. Кислород, ты мой кислород.

Рука без перчатки протягивает в раскрытой ладонке синюю бабочку с одним крылом.

– Это легче, чем ты думаешь, – произносит с неким облегчением. А у меня в горле ком.

Отрицательно мотаю головой. Нет. Нет. Нет!!

– Забери второе крыло, – приказывает.

– Не могу.

– Просите, что угодно, Эрей Авель, – повторяет мои слова с укором. – Не предавай, человечка Валерия.

– Никогда, – шепчу и беру бабочку трясущейся рукой.

Досада выжигает изнутри. Начинаю реветь в голос. Он поднимается, улыбается мне искренней, доброй такой улыбкой. Не могу отпустить его. Но обещала.

Не предавай! Не предавай! Не предавай! Выть хочется!

– Почему ты улыбаешься? – Это уже мой сип сквозь сопли и слезы.

– Когда мне больно я делаю это всегда, – отвечает. – Валерия должна помнить мои последние слова.

Киваю. А он говорит без улыбки наставническим тоном:

– Красота – пыльца, сложно создать, легко испортить, но красота всего лишь пыльца, а Душа – крылья, летать можно и без пыльцы.

Замолкает.

Смотрю на него, такого красивого, величественного, так хочется прижаться к нему, почувствовать, как бьется его большое сердце. Глаза голубые смотрят на меня, в них множество миров, а может, и вся Вселенная. Он – самое лучшее, что у меня было. Он – волшебство, мир грез моих. Его взгляд без тени отвращения, брезгливости, злорадства.

Он не произносит больше ни слова. Но глаза его молят, чтобы выполнила просьбу.

Я отрываю второе крыло.

Словно отделяю часть своей души. Боль невыносима. Слезы каплют на синюю пыльцу... кап... кап... кап. Дождь слез. Я смотрю на место, где секунду назад был ОН. А слезы каплют и застилают глаза. Он просто испарился, рассыпался на частицы, а может, ушел в свой мир, где ему уже не быть прежним.

Крыло в моей руке рассыпается в синюю пыль и развеивается по поляне...

Верю ли я в существование души? Да, теперь верю. Он не мог уйти навсегда! Только не Эрей Авель.

* * *

Пустота. Вокруг и в душе пустота. Безымоциональность. Оставленные на месте пикника вещи меня не волновали, дошла до карьера окольными путями, пребывая, будто под наркозом. Дальше обошла озеро и по тропинке приковыляла к железной дороге. Поздним вечером, пробираясь под светом тусклых фонарей через один не работающих, показалась дома.

Все вопросы матери проигнорировала. Даже разъяренный отец не смог меня расшевелить. Я в трансе. Причем в глубоком. Видоизмененное восприятие фильтрует все.

– Ты почему на звонки не отвечаешь?!

– Да мы тебя обыскались!

– Ты как с помойки! У тебя все хорошо?!

– А тебя случаем не изнасиловали?

– Врача!

И все в этом духе.

Холодный душ частично вернул меня в этот мир. Немного обострил чувствительность. Долго не выходила, тихо рыдала. Ночью тоже. Алинка себе места не находила, ничего понять не могла. Коша тоже вилась, будто я сплошная кошачья мята. Вроде как врач приходил какой – то. Давление померял, температуру. Осматривать себя не дала. Нечего меня трогать.

Неделю провалялась, думая лишь о словах Эрея Авеля. Прокручивая нашу беседу снова и снова. В середине хандры даже начала мысли в кучу собирать, анализировать сказанное.

Вспомнила про пыльцу, что оставила на той полянке!

Но из дома не выпускали. Поправилась, и сидела, как на иголках в ожидании, когда же родители дадут бодро и выпустят на волю. Свершилось это через полторы недели. Первым делом отправилась туда, где встретила ЕГО. Алинка и Макс со мной увязались. Надо отдать должное, старались веселить и создавали позитивную атмосферу. То, что их родители подрядили на это дело, и не сомневалась.

Теперь на все под другим углом взглянула.

Поляну ту нашла. Меня будто зов какой – то вел, или интуиция не подкачала, что петлять и кружить не пришлось.

Вышла к месту и сразу задохнулась от эмоций. Горечь, волнение... слезы.

Нашла свой сверток. Странно, что форму он не утратил, все тот же кулек в траве, даже не распрямился. Лист не завял и не высох. Зеленый был, таким и остался. Странно. Проявление волшебства, не иначе.

– Делай дозвон, – Алинка строгая стала в последние дни. Повзрослела.

– Да все, не абонент, батарея села уже, – рычит Макс. – Ни один телефон столько зарядку не держит.

Они думают, я телефон искала и сумочку. Ни о чем ведь не спрашивают, молчат. Наверняка видеоблог Кристины посмотрели. Знают, что к чему.

С поляны уходить не хочется. Но дождик накрапывает. За себя не переживаю. А вот за подарок его – да. Ведь это все, что осталось... Спрятала в сумочку. Кулек размером с яблоко вышел. Незаметно это сделала, пока Макс с Алиной обнимались за кустиком. Скромнее они стали, видимо, не хотят меня нервировать своими лобызаниями.

Не скажу, что ненавижу Кирилла. Но теперь он мне противен. Предатель, самый настоящий. Их сговор очевиден. Я думаю, они ждали, устроили засаду. А в институте незадолго до этого подговорили сплетницу. Та и навеяла мне, дурочке романтики.

Забавно вышло. И я на удивление себе, не расстроена. Мне на мирское стало плевать. Да, возвращается постепенно

зависимость от мнений. Но мой мир теперь не в интернете, не в смартфоне и блоках, не в соцсети или институте. Мой мир во мне. Я закрываю глаза и вижу Эрея Авеля. Не улыбающегося, нет. Это означает, что ему плохо. А заинтересованного мной красавчика с приподнятыми бровями. Моя кожа покрывается мурашками вновь и вновь, когда вспоминаю прикосновение его волос. Мое сердце замирает, когда представляю его поглощающий взгляд.

– Лерка? – Передо мной возникает Алина, сердитая и такая взрослая. – Ты с нами?

– Нет, – говорю и улыбаюсь.

– Чтоб ты знала, – подходит Макс. – Он в больнице, немного упал.

Не сразу поняла о ком речь. Смотрю на руки шпенделя. Сбитые косточки. Мдаа... Спасибо, конечно, но это лишь даст ему шанс на прощение. Я подозревала, что Макс занимается какими – то единоборствами. Но чтобы за меня вот так вступиться. Это дорогого стоит.

Странность одну за собой заметила. Улыбки теперь воспринимаю, как выражение боли. Сознание говорит, что это радость. Но первое впечатление обратное выдает...

* * *

Институт.

Дождался меня «родной». Затаив дыхание, переступаю

порог холла и чувствую взгляды, шепот, переговоры, смешки.

А я не улыбаюсь. Если буду это делать, покажу что больно. Почему так думаю, не знаю. Мне кажется – это правильно. Не улыбаться, как я всегда это делала.

Сумочка с вещами ждала меня в первой же аудитории. Но кто принес ее, так и не сознался. А я с каждым новым эпизодом проявления человеческой низости становлюсь сильнее.

Занятия прошли, как в тумане. Я летала в облаках на синей бабочке «Морфо Пелеида». Огромной, с целый самолет! Она держала меня сильными и теплыми руками Эрея Авеля. Мы летали над миром, и нам было хорошо.

Выскочив из института, я возрадовалась, ибо ни одна морда не подошла, хотя бы чтоб поиздеваться надо мной, или спросить как я. Все зачинщики боялись, опасались или чувствовали неловкость. Они слабели, потому что не увидели должной реакции, не ощутили подавленности с моей стороны, как они хотели. Им было нечем питаться.

Когда вернулась домой и открыла дверь, в нос ударил запах цветочной поляны, причем такой необычный, что хотелось визжать от восторга.

И вот первая странность! Алина сидит дома! Обычно в это время она гуляет со своим мачо. Теперь я его так называю. Он ведь молодец.

Сестра сидит в комнате и смотрит в окно. А у меня нарастающее беспокойство. Ее парня привлекли за Кирилла?!

– Алина? А Макс...

– Мы поссорились, – бросает. – Лерка, ты заметила, что в небе теперь только зеленый шар. Синий улетел.

Накатывает. Давлю ком.

Под ногами Багира с ума сходит.

– Кошку кормила? – Спрашиваю с претензией.

– Она не жрет ничего. Кота ей надо.

Ага, как же. Прооперированной кошке кота.

– А еще она пыталась залезть на шкаф, по настенному ковру, – жалуется Алинка.

Тревога в груди нахлынула после этих слов.

Резкий звук музыки из мобильного сестры заставляет вздрогнуть. А Алина не подходит. Ей плевать. Их необычное поведение можно объяснить лишь тем, что в квартире эта магическая пыльца! Она ведь на шкафу в коробке с новогодними игрушками!

Багира катается по полу. Алинка не хочет уходить из комнаты. Что делать?!

Наверное, избавиться от этого песка. От одной только мысли об этом уже не по себе. Ставлю стул, беру коробку и иду в ванную комнату с намерением смыть эту наркоту в унитаз. И дело с концом.

Кошка мявкнула резко, хвост ей придавила дверь. Проскочила Багира со мной, вот шустра!

Вынимаю из коробки пакет, развязываю. А там... Там букет разноцветных цветов! Я таких никогда не видела! Прямо

из лопуха вырос! И как только освободила из пакета, они так и распрямились, будто распустились с весны бутоны. Синие, зеленые, красные. У меня эмоции зашкаливают, дыхание перехватило. Листок отгибаю с выросшими цветочками. А там пыльца, наркота такая! Сахарный песок, опиум. Кошка морду сует настойчиво.

Щепотку взяла и Багире под нос. Пусть нюхает, достала уже. А она эту пыльцу слизала, да так старательно!

Так...

Магия вроде как позитивная, добрая, раз цветы цветут, кошка ест. Багира не каждую мясную продукцию употребляет. Лопает исключительно чистейшие натуральные продукты. Порода привередливая.

Беру чуть – чуть, остальное в пакет прячу. Если кошка сдохнет от передозировки, это будет на моей совести.

На язык пробую. Как сладкий – пресладкий сахар. И на вид, как тростниковый, только песчинки мельче. Думала сейчас унесет на седьмое небо. Ага, конечно. Ничего не произошло. Только послевкусие хорошее, сладость во рту. И дикое желание попробовать еще. Вот только я мозгами соображаю, что не стоит.

Сворачиваю все обратно. Цветы выдираю с кусками лопуха. Пыльцу в пакет пересыпаю и под ванну прячу за порошки. Так будет лучше для всех.

Цветы в вазочку и на кухню. Багира за мной ходит, хвост трубой. А стоит на руки взять – шерсть сразу дыбом.

Алинкин телефон разрывался до самого прихода родителей с работы.

Утром проснулась, к зеркалу подошла и чуть сердце не остановилось. Шрам исчез! Я его в восемь лет приобрела. Мальчишки в костер баллончик лака кинули, и в меня что – то от взрыва прилетело. Полтора сантиметра от глаза. Крови было, уууу. Четыре шва.

А теперь его нет! Ну я ж не дура. Пыльца! Бросаю зубную щетку, бегу кошку искать. Багира, как ни в чем не бывало потягивается в коридоре, меня видит, сразу бежит когти точить об доску, прикрученную к стенке. Но чувствую, что – то не так. Доска скрипит отчаянно. Борозды слишком уж большие.

Аккуратно к ней подхожу. Сверху всем весом сажусь, мало ли что. Кошка кряхтит, мышцы напрягает, чтобы выскочить. Я лапу прихватила, на подушечки давлю. О Эрей Авель, ну спасибо тебе. Два сантиметра когти! Не меньше!

А я – то думаю, что она ходит, цокает по ламинату, как велоцираптор!

Хватаю Багиру за шкурку. Тут мать из комнаты выглядывает с прищуренными глазами.

– Лера, сделаешь нам с папой чаю?

Киваю, у самой кошка в руке за шкурку висит.

Кое – как состригла когти, доминируя над Багирой. Пока возилась, уже и мать с отцом встали. И чаю своего не увидели.

День с утра не задался. Или задался!?

На пары опоздала. Но об этом даже не переживала. Ввалилась нагло в середине лекции, вызывая эмоциональный всплеск студентов. Никто ничего конкретного в мой адрес не сказал, так между собой. Труссы несчастные.

Думаю о пылице... У меня – шрам, у кошки – когти. Никакой закономерности! Вот что кошке надо было?! Зверь – то знает, что ему в первую очередь пригодится. Кошка, она по природе хищник. А вот я? И не думала о шраме. А он взял и рассосался. Теперь кожа там, как с другой стороны, если не лучше.

Самочувствие у меня на уровне. Может из – за морального подъёма, или пылица тому виной?!

«Не переусердствуй», предупреждал Эрей Абель. А что? Я не дура, книг и фильмов на эту тему много. А в жизни? Сколько у нас жертв пластических хирургов. Губы так перекачивают с грудью, что нелепо смотрятся. Одно сплошное уродство! Бальзамируй и в музей восковых фигур... Не попасть бы под влияние собственной жадности и не переборщить. И в зависимость не попасть. Пылицы мало, ее действительно мало и с кошкой делиться не хочу! А если ее кто найдет из моих?!

Нельзя! Немыслимо!

Так, стоп. Уже началось...

Пару последнюю не досидела. Попросилась в туалет. Лектор посмотрел недоверчиво, как вещички собираю. Ну а

что?! Я изгой, мне можно и debilку из себя соорудить, или обижонку. Может, меня сосед обидел, иду блевать, как после столовой.

К дому подошла. Макс стоит, как мачо с ранчо. В шляпе, штаны коричневые в обтяжку, сапожки шнурованные, бляха ремня с ладонь.

– Лерка! – Воскликнул, не давая прохода. – Скажи мне правду. Алинка с кем – то другим?! Не ври мне. Она вообще ни с того ни с сего послала.

– Макс, у нее переходный возраст. Терпи, – что на ум пришло, то и выдала.

В голове лишь пыльца! Моя драгоценная!

Врываюсь домой, и снова «ароматы Франции»! Раскидываю обувь и иду в ванную. Сердце екнуло, когда дверь там открытую обнаружила. Выдыхаю с облегчением. Только кошка вьется у боковой перегородки ванны.

– Что, наркоманка? – ехидствую. – Еще? Так, а зубы покажи?!

Мне не показалось, кошка – то покрупнела. Если бы не шерсть пушистая, сразу бы и не заметила.

Выпнула ее из ванны. Закрылась. С затаившимся сердцем вынула пакет. Все на месте. Цветы уже не растут. Но запах витает чудесный. В прошлый раз кристалликов по пальцам пересчитать употребила, теперь на треть чайной ложки, прям в ладошку. И как втянула всю эту сладкую магическую наркоту...

Очнулась уже на полу. В дверь долбится Алинка.

– Я в порядке! – Спешу ответить. У самой голова кругом.

Звездочки летают.

– А я думала у тебя понос, – рычит. – Заканчивай там свои дела! Ты не одна, как бы!

Ага. Туалет – то у нас совмещенный с ванной. Поднимаюсь, с мыслью, что где – то я переборщила. Смотрю на себя в зеркало. Вроде бы ничего не изменилось. Ресницы не выросли, глаза, как были темно – карие, так и остались. Щеки только порозовели немного.

Эффект я увидела утром. Вернее, почувствовала его. Надевая лифчик! Худею... По всем фронтам! Стремительно!

Одежда, приготовленная на сегодня, оказалась мала. Пришлось искать другую, рыться в шкафу. В итоге вышла, как пугало огородное. Но меня это не смущало! Я думала о том, сколько у меня есть денег, чтобы купить новые шмотки!

Снова опоздала на пары. На этот раз мне высказали:

– Если вам не здоровится, потрудитесь не срывать занятия, Валерия Васильевна!

Кивнула, ощущая неоднозначную реакцию окружающих.

В перерыве между парами ко мне подошла Кристина. Я посмотрела на нее хмуро, а саму радость переполняет. Худею на глазах, а эти – то мне что теперь?! Шавки, тля, пустое место.

– В плохую девочку играешь? – Усмехнулась стерва. – Ты в курсе, ролик побил все рекорды. Полмиллиона просмотров

уже.

– Я не смотрела, – говорю и улыбаюсь.

Вижу ее в ином свете, словно передо мной злая, оттого страшная ведьма, что собственным ядом травится постепенно и чахнет.

– А ты посмотри, там комменты убойные, даже твоя мечта несбыточная написала, – выдает и ожидает реакции.

Какая мечта?! Она знает о Егорове Стасе?! О том, что я не ровно к нему дышу. В принципе узнать не трудно. Только ему лайки и ставлю в соцсети. А еще о нем знает Света. Разболтала этой стерве?!

Задела тварь. Смотрю на нее пристально.

– Знаешь, что означают слова, которые ты сказала инопланетянину, перед тем как сфотографироваться с ним? – Говорю с нотками брезгливости. Даже не нужно притворяться.

– Какому именно инопланетянину? – смеется. – Тебе?

– Фраза на их языке, которая якобы обозначает просьбу на фотографию, на самом деле переводится, как клятва в вечном служении, так что ты скоро отправишься рабыней в их мир, – говорю злорадно. – Готовься, Кристина, скоро ты покинешь Землю. И в блогах твоих напишут комментарии, что блогер пропал, ищем, за любую информацию даем вознаграждение. Родители твои попадут на программу «ищи меня» или «жду тебя». А все будет без толку.

– Дура! – Срывается стерва, разворачивается и уходит. Ощущает она и сама что – то неладное. Я в этом уверена.

Ее реакция, как бальзам на покалеченную душу.

Смартфон ко мне вернулся. Новости читаю. Зеленый шарик сместился на юго – восток от Москвы уже на три десятка километров. Инопланетяне теперь высаживаются чаще, их одновременно больше на территории. Но истерия людская закончилась, схлынула.

Битва завершилась Эреем Авелем, и люди успокоились. Будто раньше им передавалась эта атмосфера войны и агрессии. Под действием этого они вымещали злобу друг на друга...

Бабье лето выдалось жарким. А я похудела так, что мама решила потащить меня на обследование в папин военный госпиталь. Но я наотрез отказалась.

Кошка выросла в два раза, пару дней удивлялись, пожимали плечами и привыкли. А вот я стала хорошеть не по дням, а по часам. И не потребовалось больше питаться пыльцой. Процесс был запущен. Через три недели похудела на четыре размера! И продолжала сбрасывать!

Обычно в таких случаях должен был образоваться излишек кожи, как у бульдога. Да, весь институт бы ржал нам моим чудесным похудением. Но не тут – то было. Все пропорционально и красиво. Абсолютная эстетика и гармония. Да что греха таить, магия!

Некоторые пакостные языки пытались приписать операции и липосакции всякие. Но я же никуда не отлучалась. Худею на глазах без зазрения совести.

Списала все на нервы после злополучной подставы, всем так и говорила. Алинку мне стало жалко. Сестра, как и Багира не жалела покидать место, где находилась пыльца. Если кошка испробовала волшебного сахара и вела себя более или менее адекватно. То сестренка моя замкнулась в себе. Тускнела на глазах.

И вот, в один прекрасный момент, после слезного сообщения Макса, что он адресовал именно мне, я решилась...

Пыльцу подмешала в чай и дала Алинке. Через два дня у нее выросла грудь до третьего размера! И на улицу она выскочила с огромным удовольствием.

Все зажили счастливо. Я худела и превращалась в секс бомбу. Кость – то широкая. Теперь появились округлые бедра, хорошая попа, талия, о которой и мечтать не мыслила. Большая грудь, правда, чуть убавилась, но подтянулась, хоть без лифа ходи. А лицо, что тут скажешь, одно восхищение.

Обратно пропорционально внешности скатился мой характер. Я стала циничной сукой. Будем называть все своими именами. Вкусив жизнь другую, когда на тебя смотрят и восхищаются, твое отношение ко всему меняется. Эйфория – да, и я по вечерам думаю над своим поведением, корю себя. Но этот наркотик возвращает влияние, когда люди вокруг своей реакцией способствуют моему взлету, подъему на пьедестал самой популярной студентки института.

Обидно стало до глубины души, когда осознала, что ко мне стала лучше относиться и мать. Не знаю, почему так.

Просто поняла, раньше ее отношение было другим... к дочери – толстухе. Но какой бы ребенок ни был, мать должна его любить?!

Циничная сука по имени Валерия цвела и пахла. Станислав Егоров меня больше не интересовал. Он показался мне дефективным, я прочла его комментарии на мое видео со сливками и разочаровалась. А после того, как он пригласил в кафе, мое сердце окончательно заледенело к нему. Я, конечно, пошла. Поела там всласть. Любовь к пирожным у меня никуда не улетучилась. Наела на целую стипендию и дала отворот – поворот.

А сегодня мне прямо на пару доставили цветы от загадочного поклонника. Букет из двадцати трех больших красных роз, которые пахли ну... просто отвратно. Запахи любых цветов, что я теперь ощущаю, меня нисколько не впечатляют.

Букет оставила в аудитории, вылавливая жадные взгляды поклонников и отражая завистниц. Виляя задом, теперь хожу. Научилась, кстати по блогам: как надо правильно одеваться, ходить в зависимости от того, что у тебя в фигуре считается достоинством. А у меня есть все! Я – топ модель! И мне уже приходило несколько предложений в соцсети. Да, это могли быть и простые пикаперы, спортсмены по бабаболу. Но все равно приятно.

Прихожу домой. Обычный, казалось бы, вторник. В доме царит веселье. Алинка с Максом дома! Мачо обычно домой

к нам не ходит. А теперь, пока родители на работе, они тут, похоже, непотребствами всякими занялись. С порога услышала их смешки и визг сестры игривый.

Вбегаю злая, не снимая уличной обуви, дабы предотвратить преступление века. Я ж теперь такая опасная и прожигающая взглядом девица, сплошной авторитет!

А они валяются на кровати с ноутбуком и что – то обсуждают. И к чему, спрашивается, визжала? Смотрю на нее, бесстыжую. А сестра о лифчике, похоже не в курсе. Майка стянула бюст, а мачо и рад такому зрелищу.

Но вот что – то не так в их нездоровом интересе к экрану. Подхожу и вижу... В груди моей опадает сердце, все что было светлое и грело мою парящую в небе душу вдруг рассыпается пылью.

– Лерка! – Кричит сестра. – Ну посмотри! Сколько фоток сделала! Смотри какой он классный! Большой такой!

Я уже не соображаю трезво, плывет моя голова по грязному вязкому омуту. Слезы вот – вот прорвутся.

– Ты говорила?! – Выдавливаю сквозь ком.

– Деней оноа море! – Воскликает дурочка торжественно.

Каждое слово отражается болью в груди. Смотрю на сестренку мою. Такую хорошую, жизнерадостную, родную кровиночку. Погубила... я погубила. Дала ей пыльцы, силами и энергией подпитала.

Вскакиваю из комнаты, на улицу бегу. Смотрю на небо. Ну где же вы твари такие?! Где шар?!

Небо вечернее в облаках все. Чернеет над головой. Будто дождь вот – вот хлынет. И из меня тоже не ровен час польется. Давит в груди. Верю я Эрею Авелю, что заберут рабов своих с Земли, когда улетать соберутся. Как поверила в его подарок. Ведь пыльца такое чудо творила! А значит, и в другом тоже будет магия. И заберут сестру без спроса, и не отобью я ее никак.

По коже мурашки прокатились. Помню ту силу, с которой меня от Эрея Авеля оттолкнуло. Просто от прикосновения. А что они могут?! Да все, что захотят. Их силы безграничны.

Сколько еще у меня времени?!

А что надежды питать? Им важно Солнце, они и появляются только днем в безоблачную погоду. Эрей Авель говорил, что умрет мучительной смертью после заката, значит, Солнце для них – это жизнь. И долго еще протянет такая шикарная погода? Уже тучи гуляют, лето не резиновое. Уже как бы осень.

А мне – то что делать?!

Вернулась домой. Алинка моя, самый дорогой мой человек, смотрит на меня сияющим, жизнерадостным взглядом голубовато – серых глаз. Ничего не понимает, не ведает, почему ее сестра вдруг расклеилась, когда все так прекрасно... Моя миленькая блондиночка, лапонька капризная. Тебе ж не много надо. Ноутбук, да гулянки. Никому ты в этом мире плохого не сделала, чтобы вот так с тобой...

Какая теперь танцевальная школа, карьера и поклонники?

Мечты рассыпаются, как развеивается по ветру пыльца зло-счастливая.

Терзалась я душой долго, ночь не спала. К сестре на кровать лазила и плакала ей в грудь, уткнувшись. Ни слова не сказала, на все ее вопросы редела навзрыд.

Утром посмотрела прогноз погоды на неделю, затем листнула на месяц. Все, еще три дня и пойдут дожди. Циклон нарисовался мощный. Вот и срок.

Ну и что мне остается? День сегодня солнечный. Номер телефона Макса у меня есть, позвонила, вопрос жизни и смерти обозначила.

С занятий его дернула. А он и рад. Приехал заинтригованный к дому на мотоцикле. Я его развитие уже оценила, парень с мопеда на мот за месяц пересел, и права у него есть. Алинка визжала об этом маме, когда та запрет ей поставила на мотоцикле с парнем ездить.

– Рассказывай, Лерка, что стряслось.

– Макс, у меня к тебе просьба, ты только не спрашивай ничего, ладно?

– Для тебя все, что угодно, Лерк, – отвечает бодро.

Внутри бешенство внезапное до дрожи всколыхнуло.

– Никогда так не говори! – Кричу, вспоминая, как меня Эрей Авель подловил. – Никогда, понял! Инопланетянина мне надо увидеть! Живого и желательно пробиться к нему.

Согласился помочь. Стали пеленговать по карте. Теперь у всех нас это приложение. А на мотоцикле мы быстро до-

мчим.

Нашли по приложению много точек. И время пребывания их показывает. Выбрали недавнего и чтоб не далеко.

Шлем второй подал, схватила, натянула. Тесно, жарко, непривычно и волнительно. Уж не думала я когда – то, будучи коровой, что шпендель меня повезет. Хорошо, что Алина в школе еще. А то бы дала нам обоим по первое...

Помчали. Я его обхватила за твердых пресс и сразу предательницей себя почувствовала перед сестрой.

Гнали долго, с остановками, уточняли положение. Но нашли!

Провинциальный городок с пятиэтажками, люди спокойные ходят. Инопланетянина уже окружили и просят рабства до смерти. Тут уж ничего не поделатъ. Подъехали как могли. Я выскочила, шлем стянула душный, дышать в нем не могла нормально. Адреналин в уши бьет. Бегу через толпу, пока не так плотно, но пол городишки уже собралось. Все более или менее спокойны. Уже нет такого ажиотажа, как раньше.

Извините, простите... Толкаюсь, мужчины уделяют знаки внимания, улыбаюсь скромно и иду к своей цели.

ОН – огромный красавчик в зеленом кафтане, окруженный землянами, словно обезьянками. Улыбается всем снисходительно. Но я – то знаю, что пришелец из клана, королевства или группировки Мор не искренен с этими жалкими зеваками, и улыбка его не означает радость. А отвращение, что вызывает внутри него боль. Они, вызывающие у нас вос-

торг, хозяева нашей Земли и собиратели рабов.

– Деней оноа морэ! – Кричит маленькая девочка на руках у папаши.

Боже... Взвыть хочется от жгучей досады! Как же все горько! Маленькую зачем?!

Толкаю всех подряд. В меня летит брать. Но я иду к своей цели, пробиваюсь сквозь толпу безмозглых рабов! Девочку – то такую маленькую куда?! Сколько ей? Семь? Пять?! Господи...

Он уже близко... Все плотнее и плотнее людская стена. Но я иду ради своей глупенькой сестренки. Последний рывок. И вот, он передо мной.

Зеленоглазый лицемер смотрит прямо на меня! И он не улыбается! Просто смотрит с удивленным лицом, с высоты своего огромного роста. Сбоку стоит папаша с девочкой, их фотографируют все вокруг. Лес смартфонов вызывает у меня отвращение и негодование. Привили фобию, сучки институтские.

– Не забирайте мою сестру! – Кричу на него. – У вас и так куча рабов!

Хмурится. А еще он удивлен. Отступает на шаг, отталкивая толпу позади.

– Мор! – Это уже визг из моего горла. – Не забирай Алину! Оставь ее!!

– Уберите невменяемую, – бросает какая – то женщина из толпы.

– Не позорь род человеческий, – бурчит старческий голос.

– Девочка, ты в своем уме? – Продолжается поклеп со стороны людей.

А пришелец смотрит на меня своими большими зелеными глазами, которые начинают чернеть. Вернее, зрачки его становятся шире. Чувствую, что – то отдаленно напоминающее ощущения с прежней встречи. Дуновение, когда появился Эрей Авель. Сейчас тоже самое.

Он собирается уйти!

– Стой! – Визжу и иду на него.

Меня хватают люди, преграждают дорогу. Уйдет ведь!

– Деней! Оноа! Морэ! – Последнее слово кричу в пустоту. – Деней, оноа морэ... – Повторяю зеленому мареву шара.

Все, ушел... Взмыл к небесам. А я встала, замерла. Сердце выстукивает ритмы.

О чем я думала?! Дыхание перехватывает, внутри что – то сломалось. Я гордая, независимая землянка подписалась на рабство. Отчаянный шаг от безысходности. Но волнуюсь лишь об одном: услышал ли он меня...

Вернулись домой. Вечером стала собирать вещи. Сумку взять, снарядиться? Нет. Надо быть наивной душой, считая, что дадут взять какие – то вещи. Обойтись рюкзаком? Туда вмещается мало. А если не дадут взять?! Может распахать по карманам зубную щетку, трусики, средства личной гигиены...

– Лера?! – Возмутилась Алинка. – Ты что?! Куда, на ночь

глядя?!

Попыталась объяснить сестре по поводу нашего намечающегося путешествия, про рабство рассказала. Уверила, что пойду с ней, будем держаться вместе и разобравшись, что к чему, вернемся на Землю. А пока нужно просто собрать вещи...

Рабство. Что я знаю об этом? Мы женщины, а значит наша ценность в красоте. Если будем очаровашками, с нами станут обращаться хорошо. Гиганты ж вон какие красивые. Любят красоту, и понятия наши схожи о ней. Поэтому надо выпить чаю с пыльцой! Дабы подкрепить и укрепить нашу исключительность, очарование и грацию!

Засыпала с мыслью, что сумею убедить Алинку завтра, что не сумасшедшая. Покажу ей действие пыльцы на кошке соседской. А то совсем девочка наивная, до сих пор думает, что сиськи у нее выросли так из – за первых месячных.

* * *

Открываю глаза. И понять не могу где я. Тела не чувствую, будто нет его. Надо мной нависло что – то темное. Звуки незнакомые вокруг прорываются в уши, секунду назад заложенные. Воздух, насыщенный кислородом, так сладок. Дышится легко.

Шевелю рукой. Тело мое обретает чувствительность. Мурашки ударили от слабого дуновения ветра. Поднимаю тя-

желую голову и с ужасом осознаю: я голая! Абсолютно голая, лежу на чем – то зеленом и ворсистом! Трогаю ладошкой ворс: сантиметра два, будто иголки еловые, но мягче. Вокруг стволы деревьев разной зеленой расцветки. Лес невиданный! Перед носом лист огромный склонен ко мне, жилки вижу отчетливо и ворс такой же. Неподалеку капля росы размером с голову переливается в лучах.

Муравейчик величиной с белку проползает мимо по веточке толщиной с дерево, за ним еще десяток. А следом вереница целая по своим делам уносится за лист, что слабо покачивается на ветру.

Сон все еще не отпустил до конца, соображается плохо. Реакция замедленная, а то бы как завизжала!!

Поднимаюсь на ноги. Ой плохо мне, мурашки режутся, ходят по телу, как им вздумается. Трясусь, как русалка на ледяной глыбе.

Подо мной, оказывается, тоже лист огромный. Делаю шаг, второй... выхожу на свет, с листа сползая на землю. Полуденное солнце, светит прямо в глаза через кроны... э, или не кроны?! Стою на просвете небольшом, греюсь. Ой хорошо. Прищурилась, озираюсь по сторонам.

Стебли это, а не стволы деревьев! Зеленые, сочные, мясистые. Впереди травинка в два человеческих роста, за ней целый лес таких же. А среди этой травы юрского периода стебли стоят, которым конца и края не видно, а метров через пятьдесят вообще все в одну сплошную зеленую стену сли-

вается. Стебли, похоже, не простые, а цветочные! Не знаю, что и думать. Откуда здесь взялись цветы высотой с десятиэтажный дом?!

Снизу видно чашечки и чашелистики, да лепестки разноцветные, будто крылья планера. Бутоны на разных уровнях, поэтому в некоторых местах, где накладываются, лучам солнца пробиться тяжелее. Но есть места, в которых вот эти самые лепестища – красные, зеленые, синие, где в один слой все, светом насквозь пробиваются! Да так, что создается такая цветомузыка на земле, невольно думаешь, неужели природа мать такое сотворила?! Среди стеблей виднеется трава и помощнее, шириной метра в два, уходит она выше цветочных крон.

Надо быть душой, чтобы не сообразить. Это возможно и лес такой невиданный, волшебный. А может аттракцион, виртуальная реальность или декорации?

Вот только живет все, звуки мне эти совсем не нравятся! Скребется где – то, шуршит, клокочет, пиликает, шелестит. Все бы хорошо. Да децибел чего – то многовато для моих ушей.

– Мамочки, – шепчу сиплым голосом, в животе волнение разгорается и страх от неведомого, наконец – таки проснулся.

Сбылась мечта идиотки, я не на Земле. Хотя бы потому, что притяжение тут слабее на четверть, не меньше. Какие там вещи, трусики да прокладки, следовало ожидать, что пе-

ремешение будет без посторонних вещей, как в «Терминаторе». На теле ни цепочки с крестиком, ни часиков. Я уж о золотых серьгах с изумрудами вообще молчу.

Одна – одинешенька. Девственно голая девица посреди гигантской цветочной поляны.

Глава 4

Поляна миров

Где – то в другой Галактике.

– Алина! – кричу. – Сестра!?! Ау!!

Вся ближайшая трель затихает. От чего в груди моей холодеет. Насекомые затаились, трещать перестали. Истеричная мысль – наверное, тоже пошли искать Алинку. Так... а если трава тут такая высокая, и цветы гигантские. Жуки, да кузнечики интересно какие?!

Меня передернуло от образов, рождаемых богатым воображением. Жила я на югах. Таракашек видела таких мерзких, что потом неделю есть не могла ничего... ничего, кроме сладкого.

Сглотнула сухим горлышком. Стоит ли привлекать внимание?

– Эй, чего орешь? – Раздалось из травы писклявое.

Никого не вижу, но рефлекторно прикрываю обнаженную грудь и кое – что пониже. Отрастила бюст, все и не прикроешь.

И тут высовывается самая настоящая эльфийка! Глаза здоровенные, кожа с отблеском зеленого, ушки острые, сама мне по грудь, тоненькая такая. Вся в лохмотьях зеленых, будто в тине морской или после кораблекрушения. Коленки

у бедной трясутся, ну прям – тварь дрожащая. И лук за спиной, экипировка какая – никакая в виде пояска, увешанного всякими мелочами.

Мне интересно. Никогда таких мифических уродцев не видела. Хотя и красивых очаровашек. Но это же не человек! А уродец из романов фэнтези!

Девочка с рефлексами, как у пугливой белки, осторожно крадется ко мне. Я стою и думаю, как с ними надо. Ведь целый мир, что облизывало не одно поколение писателей и обсасывало читателей, теперь реален! Да, страшно, но и интересно! Он реален!! Только вдуматься! Или это ролевая игра какая?! Меня разыгрывают?! Это сколько нужно денег на такой вот квест? Да кто ж на меня столько потратит?

Стоп. Я же и должна была переместиться в мир пришельцев. Вот и переместилась. Хотела – получила. Я – попаданка!

Думай, голова.

Что обычно в таких ситуациях делают героини книг? Попал куда – то, помогай всем подряд, и помощь тебе сама чудесным образом посыплется, друзья верные появятся, и вообще жизнь наладится. Попутно собирай полезные артефакты и становить какой –нибудь магичкой. Так! Первый друг уже назревает, не мешало бы выяснить, что к чему.

– Я с Земли, мое имя Валерия, – говорю ласково, но с хрипотцой.

Эльфийка остановилась в пяти метрах. Недоверчиво посмотрела так.

– Человечка, – бросила брезгливо, будто до этого не видела кто я. – Когда ж владыки Клесаны успели понабрать вас. Хмык... Не ори, ладно?

– Ладно, – с обидой отвечаю.

Эльфийка разворачивается и обратно в свою траву спешит.

– Что мне делать? – кричу в след. – Какое первое задание?

– Не орать, – пищит озлоблено и скрывается в зарослях.

Так и хочется сказать ей какую – нибудь гадость. Вот шамкодявка мелкая!

Упустила друга ушастого. Не срослось.

Что – то огромное прыгает в траву прямо на нее. Шум такой, будто стог сена скинули с крыши многоэтажного дома. Визг, переходящий в сдавленный вяк вперемешку с треском ломающихся веток... или не веток?! Хруст!!

Мамочки!!

Из недр моей пугливой душонки прорывается крик, давлею его отчаянно. Бегу прочь. Босые ноги наступают на мелкую травку. Ой! Колется – то как! Ой, ой, ау!

Позади визг прекратился, только довольное чавканье. Это кузнечик?! Вспоминаю зафиксированный в мозгу слайд. Сознание, словно старым способом проявления фоток мне образ выдает. Большой зеленый кузнечик величиной с корову, а то и две, в шипах и с большущими усами! Кажется, еще его огромный стеклянный глаз углядела!

Мчусь, сама не знаю куда. Давно я голышом не бегала!

Только на пляже и в детском садике. Страх гонит дальше в гущу какую – нибудь забиться. А местность везде одинаковая. Чуть правее заросли все – таки смотрятся понадежнее. Кудри из мха высотой в метр вполне сойдут за укрытие. Чем не кусты?

Сердце бьется, как у загнанного зайца, того глядишь и ребра проломит. Из мха мне навстречу жаба здоровенная высывается! И зевает так сладко! В два моих роста. Красная полость с тонкими струйками слюней тянущихся приглашающе так распахнулась. Я, как боевой спецназовец на показательном выступлении, делаю прыжок в сторону с кувырком, уходя с линии атаки ее кроваво – красного языка!

Голова кругом, встаю, спина вся горит от ссадин, травка – то мелкая или ростки, черт их разбери, по хребту прошлись нещадно.

Бегу дальше, разгоняясь. Чувствую затылком, что жаба заметила меня и не отстанет, страх животный просыпается. К стеблю бегу, от него дальше. А голышом бегать совсем неудобно! Грудь ходуном ходит, мало того, что бегу мешает, так еще и неприятно сотрясается! Mamочka, что ж ты такую меня родила! Куда мне все это!

Земля под ногами вздрогнула! Туша огромная ударилась совсем рядом. Затрещал стебель позади. Сверху бомбардировка каплями воды началась! Одна капля совсем близко шмякнулась, брызгами меня окатила.

Ахаю. Дух перехватило, будто в прорубь нырнула в кре-

щенские морозы.

Вот жаба настырная! В растение впилилась, похоже! Передо мной две здоровенные мухи в сценке шмякаются! Брачные игры, видимо, на цветке у них были, но так и не разлепились после падения. Две мухи размером с собаку каждая. Брюшища в сегментах, крылья будто стеклянные, морду одной увидела, глазища черные при черные, еще и в серку! Сами в ворсе серебристом. Жужжат так громко и омерзительно! Крыльями шелестят, лапищами волосатыми друг за друга цепляются.

Я в сторону бросилась. Уже ни как спецназовец, спинку – то жалко!

Треск, словно кнут шелкнул. Обернулась на скорости, смотрю, мух уже и нет. Жаба сожрала! Ой! Как хорошо! Но кажется, тварь ими не насытилась. Ощущаю вибрацию, как мышцы ее напрягаются, чтобы прыгнуть на меня. А я, как бешеная, зигзагами начала бежать.

Спотыкаюсь, качусь кубарем. Земля вдруг подо мной обваливается, и я в нору огромную падаю, будто в аквапарке, только вместо воды грунт. Упала мягко, как с горки съехала. Полумрак. Землей пахнет, такой свежий аромат.

Розовая стена передо мной возникает. От нее свечение идет. И не простая это стена, а двигающаяся, будто волны перекатываются. Вверх уходит. Да это ж червь земляной!

Только с масштабами что – то попутано. Такой и жабу сожрать вполне способен. Сижу в нише своей, трясусь от стра-

ха. А земля впереди осыпается, как бы не провалиться. А позади тупик. Голову поднимаю: вверх пять метров лезть. Корни какие – то углядела. Начинаю карабкаться. Все – таки притяжение тут ниже. А я сильная. Ибо за три недели сбросила двадцать пять килограммов, ноги, руки, как у ядрометательницы.

Тихо вою от ссадин и вверх ползу, пока стена червячья не расплющила.

Что ж за мир такой?! Заберите уже в рабство, готовить буду, стирать, убирать, дрова колоть! Зверья – то набежало на голое женское тело!

Земля влажная, сыплется мне на голову. Видимо, дождь недавно прошел. Вылезла. Червью на меня плевать, он в другую сторону ползет медленно. А жабы и след простыл.

Стою и думаю. Если это поляна, как эльфийка, царство ей небесное, сказала, значит, есть и равнина, и город. Человечкой назвала, делаем выводы, что не в диковину ей. Тут такие, как я имеются. Что тут думать, надо искать своих. Но прежде, прикрыться чем – нибудь.

Надо мной качнулся цветок, прерывая размышления, что – то туда прыгнуло. С бутона посыпалась пыльца. Снова качнуло, лязг мощных крыльев стал уноситься прочь. Так... кузнечик. Присела, комочки пыльцы размером с яблоко. Запах такой сладостный. А кушать – то хочется!

Беру, наощупь – бомбошка шапки шерстяной. На вкус, как сладкая вата. Налопалась вдоволь и еще жую уже для на-

слаждения. Я ж сластена!

– Человечка? – шепчет над головой сдавленный голос. Подпрыгнула от неожиданности. Взвизгнуть помешал набитый рот.

На стебле цветка, под которым примостилась, сидит еще одна зеленая образина, метров на пять выше меня, на веточке, свесив ножки. Ну, этот – вылитый орк! Что тут за сборная солянка?!

– Ты из недавних? – продолжает допрос, морща и без того сморщенный нос. Курносый как свинка. Этот с тесаком за спиной, сапожки свисают шнурованные. Вижу, что орк – парень не промах. Надо срочно сдружиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.